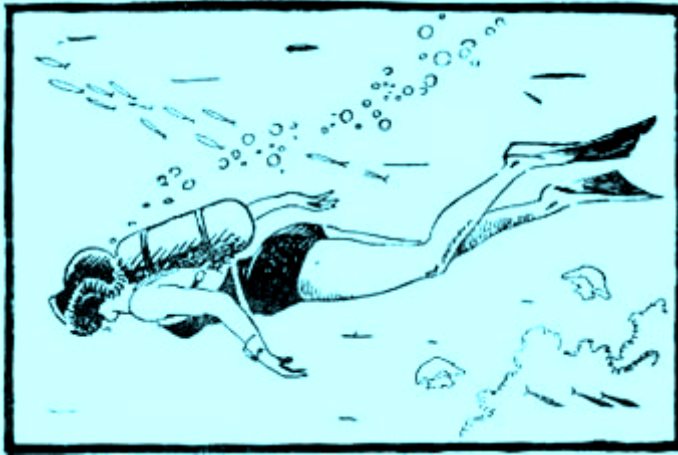

Глеб Голубев

ПО СЛЕДАМ ВЕТРА

приключенческая повесть

Журнальный вариант с сокращениями.

Знакомство под водой

Прошлым летом я только что демобилизовался из армии и не знал, куда себя дальше девать. Это печальное состояние мучило меня уже давно. Другие как-то сразу выбирают себе жизненный путь, а у меня так не получилось. Кончив школу, поступал в институт кинематографии, на сценарный факультет. А зачем, и сам не знаю. В институт не попал и поступил работать на завод учеником электрика, а через год меня призвали в армию.

Но, видно, и армия мне ума не прибавила, потому что вот теперь снова стою на распутии и гадаю: как мне жить дальше? Чем заняться? Куда податься: проситься в экипаж космической ракеты, которую скоро, наверное, пошлют на Марс, или ехать в Сибирь на какую-нибудь стройку?

Никакого решения я принять не мог и отправился к дяде в Керчь, чтобы отдохнуть, побродить, покупаться.

— Непутевый ты, Колька! — сказал мне дядя, когда я без приглашения нагрязнул к нему. — В каждом человеке должен быть стержень, понимаешь? А в тебе его нет.

Наверное, дядя Илья прав: нет во мне стержня. А где его взять?

И что это за стержень, который должен быть в каждом человеке? В дяде моем он есть? Сам дядя Илья, конечно, считает, что живет он правильно. Работает на метеостанции в Керчи, составляет прогнозы, которые очень редко оправдываются, а после работы копается в своем огорожке или, подняв очки на лоб, старательно изучает какие-то заумные таблицы в толстенных фолиантах. Я тоже было заинтересовался этими книгами, соблазнившись их толщиной и ветхостью переплетов. И некоторые названия меня поначалу заинтриговали. Например, «роза ветров». Здорово звучит, верно? А на самом деле это никакая не роза, а просто-напросто диаграмма, график преобладающих ветров...

У дяди мне скоро стало скучно. В одно прекрасное утро я сбежал на попутном катере на Тузлу. Вот тут-то и начались приключения.

Тузла когда-то была косой, длинным песчаным мысом, далеко вдававшимся в Керченский пролив. Но в двадцать пятом году сильный шторм размыл перешеек, и Тузла превратилась в остров. Промойна между островом и берегом все росла и теперь уже достигает трех с лишним километров.

На острове всего несколько домиков, где во время путины живут рыбаки. Берег такой низкий, что его не заметишь с моря, пока не подплывешь вплотную. Отправившись на Тузлу, я сначала увидел даже не сам берег, а дом и одинокое раскидистое деревце возле него. Казалось, они стояли прямо посреди моря. Это мне сразу понравилось.

Добыть пропитание всегда было можно у рыбаков, ночевал я под открытым небом, на согретом за день песке. А пляж тут оказался такой, какого я никогда в жизни еще не видывал. Он тянулся на десятки километров. В сущности, весь остров был просто-напросто громадным песчаным пляжем, совсем пустынным и голым. Отойдя от рыбацкого стана метров за сто, можно было чувствовать себя Робинзоном на необитаемом острове.

Но скоро я убедился, что остров был обитаемым, даже, пожалуй, слишком.

Как обычно, с утра, прихватив самодельный гарпун, я отправился на охоту за рыбами. Вода в Керченском проливе такая мутная, что не различаешь порой даже кончиков пальцев протянутой перед собой руки, так что с ружьем тут охотиться бесполезно. Зато с гарпуном можно ловко подкрасться к зазевавшейся рыбешке.

Нырняя, я услышал какое-то громкое постукивание под водой. После паузы оно повторилось. Мне приходилось читать, будто рыбы издают разные звуки в воде, даже как бы переговариваются друг с дружкой. Но эти звуки навряд ли могли издавать рыбы. Они были слишком размеренными и громкими: два звонких удара подряд, потом пауза, снова удар... Да ведь это азбука Морзе! Точка — тире, тире — точка, снова точка — тире: «Ана плыву тебе»...

Точка — точка — точка — тире, тире — точка — точка, — застучал вдруг кто-то над самым моим ухом: «Жду».

Кто же это мог разговаривать под водой?

Вынырнув за воздухом, я огляделся вокруг. Но наверху все осталось по-прежнему спокойным и безмятежным. Только в одном месте, недалеко от меня, на поверхности воды вскипали какие-то пузырьки.

Я снова глубоко нырнул, почти до самого дна, и увидел впереди какую-то смутную большую тень. Приближаясь к ней, я стал различать очертания человеческой фигуры. Но, только подплыв совсем вплотную, я разглядел, что это девушка. Она была не просто в маске, как я, а в легководолазном костюме-акваланге, — так что ей не приходилось подниматься на поверхность за свежим воздухом.

Незнакомка повернулась ко мне и поманила рукой. Но, когда я подплыл, думая, что ей нужна помощь, она отшатнулась и замахала на меня рукой. Я ничего не понимал. Запас воздуха в легких уже кончался, и мне пришлось вынырнуть.

Я тотчас же нырнул снова и легко нашел девушку по пузырькам отработанного воздуха, которые цепочкой струились из ее акваланга. Но теперь она уже была не одна. Рядом с нею я увидел второго водолаза — мускулистого, загорелого парня примерно моего возраста, в голубых плавках. Они оба посмотрели на меня, переглянулись и, взявшись за руки, медленно поплыли над самым дном. Они де-

монстративно не обращали на меня никакого внимания и словно что-то искали на дне.

Это меня заинтересовало, и я поплыл вслед за ними. Что они потеряли? Подбитую рыбу? Но у них не было ружей в руках. Или что-нибудь упало с лодки? А может, ищут утопленника, надо помочь им?

Без акваланга мне приходилось то и дело подниматься на поверхность за воздухом. Но глубина не превышала трех метров, аплыли они медленно, пристально рассматривая илистое дно, так что каждый раз я их легко нагонял и не упускал из виду.

Моя навязчивость, видно, надоела им. Они остановились и подождали, когда я подплыву совсем близко.

Навстречу мне выдвинулся парень. Вид у него был довольно свирепый, но что он мог мне сделать? На всякий случай я вызывающе выставил вперед свой гарпун. Но он вдруг наклонил голову, точно собираясь бодаться, и выпустил мне прямо в лицо целую тучу воздушных пузырьков.

Вода вокруг меня буквально закипела.

Это произошло так неожиданно, что я чуть не захлебнулся и пулей выскочил на поверхность. Пока я отдышался и пришел в себя, они успели отплыть довольно далеко. Но теперь уже я крепко разозлился и кинулся в погоню за ними.

Не знаю, чем кончилась бы вся эта история, если бы мы вдруг не заметили, что заплыли на отмель, где воды было по грудь. Так что мы могли теперь высунуться из воды и объясниться по-человечески.

— Ты что, ненормальный? — свирепо спросил парень, сдвигая маску на лоб. — Что к нам пристал?

— А что вы здесь ищете? — в свою очередь, ощетинился я. — Кто вы такие? Ваши документы.

— Вот я тебе сейчас покажу документы! — замахнулся он.

Но девушка (она не сняла маски, а только вынула изо рта дыхательную трубку) схватила его за руку:

— Не смей, Михаил! Ему просто надо все объяснить. — И, повернувшись ко мне, она начала втолковывать, словно глупому ребенку: — Мы археологи, у нас тут целая экспедиция. Мы ищем затопленные древнегреческие города, которые стояли на этих берегах тысячи лет назад. Понимаете? А вы нам мешаете работать.

Мне стало неудобно, что со мной так разговаривают, точно с ребенком. Но сразу отступать не хотелось, и я повторил:

— Все равно у вас должны быть какие-то документы. Предъявите...

— А ты что, милиционер? — насмешливо буркнул парень.

Девушка снова потянула его за руку и мягко сказала мне:

— Ну откуда же у голых людей могут быть под водой документы? Если вы так уж сомневаетесь, приходите вечером в наш лагерь — он вон там, за холмом.

— А, да что с ним толковать! — махнул рукой ее товарищ и стал натягивать маску. — Пошли, а то скоро обед.

Девушка снова помахала мне рукой, и они скрылись под водой. По воздушным пузырькам, выскакивавшим на поверхность, я следил, как они уплывают все дальше от берега. Наверное, их там ждала лодка. Но преследовать их я больше не стал.

Весь день эта встреча под водой не выходила у меня из головы. Смутно припоминалось, что я и раньше читал что-то в газетах или в каком-то журнале о подводных археологах. Искать древние города куда интереснее, чем гоняться за испуганными рыбешками. Может быть, пойти к их начальнику и попроситься, чтобы взял в экспедицию? Ныряю я неплохо...

Я думал об этом и вечером, сидя в одиночестве на теплом песке. Лагеря археологов отсюда не было видно, его скрывали песчаные холмы. Но мне казалось, будто ветер иногда доносит оттуда веселые голоса и чей-то смех. Может, это смеются надо мной, слушая рассказ девушки и этого свирепого Мишки о нашей нелепой стычке под водой?

Слишком обитаемый остров

Утром, закусив колбасой с черствым хлебом, я сложил в рюкзак свои нехитрые пожитки и отправился искать лагерь археологов.

Он стоял у самой воды. Еще издали я увидел две большие оранжевые палатки. В сторонке от них, под навесом, был вкопан в песок большой самодельный стол из некрашенных досок. Рядом торчала самодельная печка с трубой из перевернутого чугуна без днышка. На высоком шесте возле одной из палаток лениво трепыхался выгоревший флажок.

Лагерь выглядел совершенно пустым и покинутым. У меня даже екнуло сердце: не уехали ли все куда-нибудь на другое место? Но, когда я подошел поближе, под ноги мне вдруг с неистовым лаем выкатилась маленькая собачонка, похожая на комок свалявшейся шерсти.

— Шарик, на место! — лениво крикнул кто-то из палатки. Брезентовая дверца ее откинулась, и оттуда высунулась лохматая голова моего вчерашнего противника.

Несколько минут он смотрел на меня, не узнавая, потом лицо его помрачнело.

— Ты что сюда пожаловал? — спросил он грозно. — Документы проверять?

— Мне нужен начальник экспедиции, — ответил я, не желая ввязываться в ссору.

— Жаловаться пришел?

— Очень ты мне нужен, чтобы из-за тебя забираться в такую

даль! Просто мне нужен начальник. По делу нужен, понял?

— Вот я тебе покажу сейчас начальника! — Он начал выползать на локтях из палатки и неожиданно крикнул: — Шарик, куси его!

Собачонка, которая сидела шагах в пяти от меня, неуверенно тьякнула и тут же, словно извиняясь, замахала куцым хвостом. Она была куда добродушнее своего хозяина.

Я повернулся и отошел в сторонку, стараясь идти как можно медленнее и независимее, чтобы это не походило на отступление.

Шарик и Мишка молча смотрели мне вслед. Я отошел метров на двадцать и сел у самой воды, всем своим видом показывая, что готов здесь ожидать начальника хоть до скончания века.

Ждать мне действительно пришлось долго. Я и посидел, и полежал, сбросив рубашку, и даже выкупался разок, правда у самого берега, чтобы не подвергнуться предательскому нападению. Но парень не приближался ко мне. Он возился у печки; растопил ее, начистил картошки и стал готовить обед, изредка поглядывая в мою сторону. Видимо, его оставили сегодня дневальным. Понятно, почему он так зол!

Я сидел на солнцепеке и тоже злился. Уже под вечер с моря донеслось наконец далекое комариное гудение мотора. Звук все приближался, и скоро я увидел небольшой катерок, мчавшийся к берегу. Шарик приветствовал его появление веселым лаем и помчался к причалу из трех досок, устроенному на берегу.

Катер с выключенным мотором мягко стукнулся о причал. Двое загорелых, как негры, ребят примерно моего возраста быстро и ловко закрепили его канатом. Кроме них, в катере находились две девушки и старик с остренькой седой бородкой. Один из парней помог ему спрыгнуть на причал, а потом уже с хохотом полезли девицы, с любопытством поглядывая в мою сторону.

— Ба! Да это наш неутомимый преследователь! — воскликнула одна из них, высокая и белокурая.

Только теперь я узнал в ней свою подводную знакомую. Но без маски она выглядела гораздо лучше. Ее подруга, подвижная и вся черная, как жучок, тотчас же схватила ее за руку и громко зашептала, так что слышно было всем:

— Кто это, Светланка? Где вы познакомились?

— Под водой, — ответила та и, спрыгнув на песок, протянула мне руку: — Ну, а теперь давайте знакомиться по-настоящему. Меня зовут Светлана.

— Николай, — ответил я хмуро. — Николай Козырев.

Пожатие у нее было совсем мужское, твердое. А зеленоватые глаза все время смеялись, и я старался в них не смотреть.

— Мне нужен начальник экспедиции, — пробормотал я.

— Я начальник, — ответил старичок, выставив воинственно вперед свою бородку и с любопытством разглядывая меня. — Слушаю

вас, молодой человек.

Это было для меня неожиданностью. Я как-то предполагал, что начальник экспедиции подводников должен быть непременно здоровяком, этакого богатырского сложения. Может быть, флотский капитан. С ним мне было бы легко договориться.

Поэтому я стоял и растерянно молчал. Тогда Светлана насмешливо сказала:

— Под водой вы были активнее, Коля.

Все вокруг засмеялись.

— Так я слушаю вас, — повторил начальник и пришел мне на помощь: — Судя по всему, вы хотите присоединиться к нашей экспедиции. — И он посмотрел на рюкзак, лежавший у моих ног.

— Да, — обрадовался я.

— А вы кто, археолог?

— Нет.

— А кто же?

— Я, собственно, был в армии.

— Военная косточка? — оживился старик. — Это отлично!

Потом уже я узнал, что своим упоминанием об армии сразу расположил его к себе. Военное дело было, оказывается, любимым коньком нашего профессора, по специальности, казалось бы, совершенно мирного человека. Мы никогда не могли понять этого его увлечения. В армии Василий Павлович служил недолго и очень давно, еще в первую мировую войну. Но до сих пор во время расхопок он носил военную фуражку, сапоги и брюки галифе, любил, когда ему отвечали по-военному, коротко и четко. Даже в своей науке он сумел выбрать какую-то особую «военную тропку», написав несколько интереснейших исследований о вооружении и тактике древних греков.

Все это я узнал уже потом, а сейчас просто обрадовался, что армейская моя служба оказалась хорошей рекомендацией.

— А где же вы служили? — продолжал он спрашивать.

— На флоте, — ответил я.

Это было не совсем так: я служил в береговой обороне. Но все равно, ведь это рядом с морем...

— Отлично! И с аквалангом знакомы?

— Знаком.

— И плавать он хорошо, — лукаво вставила Светлана.

— А документы, простите, у вас при себе? — спросил профессор.

Светлана засмеялась. Он удивленно посмотрел на нее:

— В чем дело?

— Так, Василий Павлович, — ответила она, подмигнув мне. —

Вы же знаете, я смешливая.

Покраснев так, что мне стало жарко, я достал из рюкзака все свои документы и передал их профессору. Он начал их внимательно изучать, а я смотрел себе под ноги, чтобы только не встретиться взгля-

дом с насмешливыми глазами этой девицы.

— Отлично, — одобрительно сказал наконец профессор, возвращая мне документы. — Ну что ж, я вас зачисляю. Только учтите, зарплата у нас маленькая...

— Это ничего...

— Ладно. Тогда отправляйтесь завтра в Керчь на медицинскую комиссию.

Я попробовал было возражать, что здоров как бык, но он поднял палец, посмотрел на меня поверх очков и строго сказал:

— Порядок есть порядок. Вы же военный человек, Козырев.

Я понял, что спорить бесполезно, и ответил:

— Тогда я отправлюсь прямо сейчас в Тамань, а то пароход отсюда в Керчь уходит рано. Там и переночую.

— Ладно, — кивнул он, и по его глазам я видел, что ему понравилась моя решительность.

А я, честно говоря, просто не хотел сегодня здесь оставаться. Начнут расспрашивать, смеяться. Пусть уж лучше без меня перебивают мне косточки.

Комиссия, конечно, прошла совершенно благополучно, и к вечеру следующего дня я снова был на косяке. Теперь меня встретили как своего. Только Мишка Аристов бросил по моему адресу несколько язвительных замечаний, на которые я решил не обращать внимания.

Остальные ребята показались мне довольно славными. Долговязого и нескладного звали Павликом Борзуновым. С ним мы быстро подружились. Он оказался хорошим товарищем, ненавязчивым и добродушным. Разговаривая, он быстро начинал горячиться и размахивать длинными руками. За это над ним подшучивали, но он не обижался.

А другой паренек — его звали Борисом Смирновым — нередко сердился по пустякам, хотя и был медлительным, молчаливым, всегда как будто немножко сонным. Зная его вспыльчивость и большую силу, даже Мишка остерегался задирать Бориса.

Светлана, ее подруга Наташа, Михаил и Павлик учились, оказывается, вместе, на четвертом курсе. А Борис был младше их на курс и учился заочно. Днем он работал слесарем на каком-то заводе. Это меня сблизило с ним. В экспедиции он проводил свой отпуск.

Я немножко побаивался первого погружения. В армии нас, правда, знакомили с устройством легководолазных аппаратов, и я совершил больше десятка погружений, но те аппараты были кислородные, а не акваланги, работающие на сжатом воздухе. Однако, получив утром от профессора Кратова акваланг, я увидел, что легко разбираюсь в его устройстве, и успокоился. Конструкция была, собственно, та же, пожалуй, даже проще.

Оставив за дневального Бориса, мы все усадились на катер и отпра-

вились вдоль берега. Скоро Кратов подал команду становиться на якорь, и мы начали готовиться к погружению.

Зная, что Василий Павлович исподтишка, наверное, наблюдает за мной, я одевался как можно спокойнее и неторопливей. Павлик помог мне укрепить на спине два увесистых баллона. Запаса воздуха в них хватит на целых два часа. В воде этот груз сразу станет почти незаметен. К поясу я пристегнул металлические ножны, в них торчал кинжал с пробковой рукояткой, чтобы не тонул в воде, а всплывал на поверхность, если его нечаянно выронишь. «Зачем он нужен? — подумал я про себя. — Ведь акул в Черном море нет».

На левую руку я нацепил часы в герметическом футляре, а на правую — особый маленький компас. Грузил мы не брали, потому что нырять тут приходилось неглубоко.

Напялив на ноги неуклюжие ласты, я стал прилаживать маску. Ну вот, кажется, все готово.

— Не забывайте прислушиваться к указателю минимального давления! — погрозил мне пальцем Кратов. — А то знаю я вас: попадаете в воду и забываете о времени.

— Что вы, профессор! — солидно ответил я.

Устройство указателя мне тоже было знакомо. Так называют маленький манометр, укрепленный над левым плечом водолаза. Посмотрев на него, можно всегда узнать, много ли воздуха осталось в баллонах. А когда запас воздуха станет иссякать, указатель напомнит об этом громким щелчком под самым ухом.

Когда все приготовились, профессор напомнил, как мы должны вести поиски. Собственно, все уже было подробно оговорено еще вчера вечером, но таков уж оказался характер у нашего начальника: обо всем напоминать по сто раз.

А задача-то была простая: плыть недалеко друг от друга по определенному азимуту над самым дном и смотреть, не попадутся ли обломки кирпичей, обтесанные камни или осколки каких-нибудь древних глиняных сосудов. Я, правда, надеялся найти на дне сразу целый город...

Наконец все инструкции закончились, и мы один за другим полезли по трапу в воду. Я нырнул следом за Светланой и сразу пошел на глубину.

Хотя я нырял и раньше, волнующее чувство внезапного освобождения от земной тяжести сразу охватило меня. Я парил, как птица. Я мог кувыркаться, повиснуть вниз головой — сила земного тяготения больше не сковывала меня. К этому ощущению невозможно привыкнуть. Оно радует при каждом погружении.

Я рассчитывал сразу же открыть какой-нибудь затопленный древний храм или, на худой конец, развалины дворца. Но не нашел ничего, даже обломка кирпича, хотя так старательно разгребал ил на дне, что все исчезло вокруг в облаке поднявшейся мути.

Было стыдно возвращаться с пустыми руками. Но, увидев, что и другие не удачливее меня, я успокоился.

В этот день мы ныряли еще по три раза, но так же безрезультатно. Ничего не удалось найти и в последующие дни. Мне хотелось расспросить толком, что же именно мы ищем, но я как-то по-глупому стеснялся. Не хотелось лишний раз напоминать, что все вокруг студенты, хорошо знакомы с историей, а я круглый неуч. Я надеялся как-нибудь поднабраться знаний из разговоров, а потом почитать и книги, когда попаду в Керчь.

Мои расчеты оправдались. По вечерам у костра все разговоры, конечно, вертелись вокруг наших бесплодных поисков, и, слушая их, я сразу поумнел, точно побывал на лекции.

Две с лишним тысячи лет назад, еще до нашей эры, здесь, в Крыму, жили кочевники — скифы и другие племена. Потом сюда разузнали дорогу греческие моряки. Сначала они приплывали торговать, а потом устроили здесь несколько своих колоний. Так на берегах Черного моря, которое греки прозвали Понтом Евксинским — «Гостеприимным морем», появились Ольвия возле нынешнего Николаева, Херсонес, развалины которого сохранились неподалеку от Севастополя, и другие города.

Особенно много греческих городов возникло по обоим берегам Керченского пролива. Он тогда назывался по-гречески Боспором Киммерийским. Под угрозой набегов скифов эти городки объединились в Боспорское царство. Столицей его был город Пантикапей, на месте которого теперь стоит Керчь. Отсюда в Грецию вывозили хлеб, рыбу, пушнину, скованных цепями рабов.

Боспорское царство существовало почти тысячу лет, пока, наконец, не рухнуло под натиском кочевых племен. Древние города были разрушены. Теперь их раскапывают археологи, восстанавливая по находкам жизнь и быт наших далеких предков.

За тысячелетия уровень моря повысился, и развалины некоторых древних городов очутились на морском дне. Вот их-то и разыскивала экспедиция профессора Кратова. Они, оказывается, работают тут уже не первый год. Им удалось найти остатки греческого города Гермонассы, стоявшего как раз на месте станицы Таманской, и Карокондамы — у основания Тузлинской косы. Возможно, существовали какие-то поселения и на самой косе. Вот это-то нам и предстояло проверить.

Через несколько дней, когда я уже немножко разобрался в истории, смелости у меня прибавилось, и я решился спросить у Кратова:

— Василий Павлович, а разве может что-нибудь уцелеть в морской воде? Ведь тысячи лет прошло. Может, все давно растворилось?

— Что вы, голубчик! — ответил он. — Камень, глиняная посуда, даже металлические изделия превосходно сохраняются.

— О, мы в прошлом году такие чудные амфоры здесь нашли.

— А ритон какой из слоновой кости! — вспоминали ребята.

— Я бы даже сказал, что на дне моря древности порой сохраняются гораздо лучше, чем на суше, — продолжал профессор. — Люди копаются в земле, строят дома, вспахивают поля. Следы минувших веков при этом, конечно, стираются. А в море развалины никто не тревожит. Их быстро заносит песком и илом, и так они сохраняются тысячелетия. На суше при раскопках в Тамани нам попадались только разрозненные черепки да обломки камня, а на дне мы нашли отлично сохранившееся на большом протяжении основание крепостной стены древней Гермонассы. Поэтому я и решил организовать эту подводную экспедицию...

— Вот если бы греческий корабль найти! — задумчиво сказал Павлик, помешивая в костре суковатой палкой.

Целый рой искр взвился в ночное небо.

— Кстати, о корабле... — начал профессор и замолчал. (Мы выжидательно поглядели на него.) — Вчера рыбаки рассказали мне, что в одном месте им попадаются в сети настоящие греческие амфоры. Это где-то возле банки Магдалины, как они утверждают.

— А что за банка Магдалины? — спросил Павлик.

— Отмель у Таманского полуострова, недалеко от берега. Мне сказали, что на днях туда должны отправиться разведчики рыбы. Хочу связаться с ними и попросить их пошарить там на дне. Они, наверное, не откажут...

Амфоры на морском дне... А вдруг там затонувший древнегреческий корабль?

— Василий Павлович... — просительно сказала Светлана.

Мы все стали наперебой доказывать профессору, что время терять нельзя, что разведчики наверняка не откажут. Впрочем, профессор и сам, видимо, считал, что слухи об амфорах надо проверить.

— Ладно, — сказал он, — завтра наведуясь в Керчь. А сейчас всем спать.

«Алмаз» ведет поиск

Сначала Кратов предполагал отправиться в Керчь один. Но выяснилось, что запас продуктов у нас на исходе. Значит, надо брать еще двух-трех человек. А что делать остальным? Ведь катер уйдет в Керчь. А без него нельзя продолжать поиски. Мы быстро свернули лагерь и двинулись в Керчь все вместе, включая Шарика, который всю дорогу сидел на самом носу катера, словно заправский впередсмотрящий.

Нам удивительно везло. Василий Павлович с Аристовым отправились в управление рыбной разведки. Там им сказали, что разведчики тоже находили несколько амфор у банки Марии Магдалины и передали в местный музей.

Один из кораблей действительно отправлялся завтра на поиски рыбы к берегам Кавказа. Он будет проходить мимо банки Магдалины и может там немного задержаться и забросить для нас трал.

Эти вести, принесенные Кратовым, мы встретили радостным гвалтом. Но он поднял руку, требуя тишины, и сказал:

— Подождите радоваться. Я возьму с собой не всех. Это разведочная поездка, она может и не принести никаких результатов. Нельзя, чтобы она срывала нам основную работу. Поэтому со мной отправятся только двое... — Тут он остановился окидывая наши лица задумчивым взглядом. — Ну, скажем, Борзунов и... Козырев. А остальные должны к нашему возвращению закончить все хозяйственные проблемы. Старшим здесь оставляю Аристову.

— Везет тебе! — буркнул стоявший рядом со мной Мишка Аристов. — Хотя понятно: старик боится, как бы ты без него чего не наврал.

На такой язвительный выпад я ответил ему, что пусть, дескать, не слишком огорчается, что не плывет с нами: все-таки его оставляют не просто так, а за начальника...

Вечером я наведаясь к своему дядюшке. Как всегда, он возился в саду, окапывая какую-то редкостную вишню. Узнав, что я стал в некотором роде археологом, он покачал головой и неодобрительно сказал:

— Эх как тебя шатает! Я же говорю, нет в тебе стержня, Колька.

Утром мы отправились в порт искать судно разведчиков. Оно стояло на якоре метрах в ста от берега, как раз напротив гостиницы. Это оказался обыкновенный средний рыболовный траулер — СРТ, как называют такие суда моряки. На борту большими белыми буквами аккуратно выведено название судна: «Алмаз».

На палубе нас поджидала вся команда.

— Курбатов Трофим Данилович, капитан, — представился один из моряков.

Он был действительно в черной фуражке с морским значком, но вид имел совсем не капитанский: уже немолодой, толстый, в тенниске и парусиновых брюках. Какой-то бухгалтер в отпуске, а не морской волк.

Не больно моряцкий вид был и у остальных членов команды. Я почему-то ожидал увидеть на них нечто вроде морской формы. А тут каждый одевался как хотел, хотя у всех в разрезах воротников виднелись тельняшки...

Нас развели по каютам. Василия Павловича поселили отдельно, а нас с Павликом — в общий кубрик. Койки там почти все пустовали, потому что, как объяснили нам матросы, ночью здесь душно и все отправляются спать на палубу.

— Да вы тоже сбежите, только вещички тут держать будете, — сказали нам они.

Для вещей мы с Павликом получили один шкафчик на двоих. Но не успели их рассовать, как басовитый низкий гудок поманил нас на палубу. Заработала машина, сотрясая переборки. По всем признакам, мы снимались с якоря, и пропускать такой момент никак не следовало.

Василий Павлович тоже не усидел в каюте и даже поднялся на мостик и стал там рядом с капитаном. Последовать его примеру мы не решились и, найдя себе отличное местечко на самом носу, свесив головы за борт, смотрели, как медленно ползет из воды тяжелая якорная цепь. С нее лилась вода и падали клочья зеленых водорослей.

Но долго нам тут стоять не дали, потому что поднятый якорь был густо облеплен липкой грязью и ее пришлось смывать из брандспойтов.

Берег медленно уплывал вдаль. Над вспененной мутной водой носились за кормой чайки. Они кричали жалобными, скрипучими голосами: «Дай, дай, дай...» Чем дальше уходил берег, тем явственнее выступала над городом на фоне бледного, словно выгоревшего от летнего зноя неба лысая гора Митридат.

Матросы между тем начинали заниматься будничными делами. Несколько человек, раздевшись до пояса и закатав штанины, стали поливать палубу из насоса, надраивая ее тяжелыми щетками. Водяная сверкающая струя окатывала палубу в самых неожиданных направлениях. Мы едва успевали увертываться от нее.

Море сверкало под солнцем. За кормой кипела зеленоватая вспененная вода. Слева у самого края неба едва виднелся расплывчатый силуэт низкого берега.

— Через часок придем на место, — сказал подошедший к нам Кратов. — Уже начинают готовить трал.

Рыбачий трал — это сеть в виде громадного мешка. Когда ее рас-

стелили, она заняла почти всю палубу. По краям сети прикреплены стеклянные поплавки — кухтыли. Они поддерживают в воде этот мешок в раскрытом состоянии. Судно тащит его за собой на определенной глубине, и вся рыба, встретившаяся на пути, попадает в широко разинутую пасть трала.

Матросы надели брезентовые костюмы, высокие сапоги и взяли в руки багры. По команде капитана они разом перебросили сеть через борт.

Судно сразу заметно сбавило скорость. Через полчаса была дана команда вытаскивать сеть обратно.

Даже для бывалых матросов это было, видимо, увлекательное зрелище, потому что все высыпали на палубу. Не у одних нас замирало сердце в предчувствии чего-то необычного, когда вскипела замутившаяся вода за бортом и всплыли кухтыли. Вот за ними уже тянется тяжелая, провисающая мешком сеть. Что там в мешке?

Он повис над бортом на стальных тросах, и из него серебристым живым потоком хлынула на палубу рыба. Мы кинулись рассмотреть ее поближе, но нас остановил окриком высокий пожилой тралмейстер.

Каких только рыб тут не было! Мы уже не замечали мелочи. В глаза прежде всего бросались крупные осетры. Они плясали по мокрой палубе и жадно глотали воздух сморщенными, старушечьими ртами. Тяжелыми пластинами лежали крупные камбалы, словно решив обмануть людей своей неподвижностью.

Тралмейстер подцепил багром какую-то плоскую рыбку, очень похожую на камбалу, только с длинным хвостом, и вдруг швырнул ее за борт.

— Гад! — пояснил он нам. — Это морской кот. Опасная рыба, не дай бог повстречать ее под водой. Пока не подходите близко, надо их выбрасывать...

Так же решительно и быстро он подцепил своим острым багром еще несколько морских котов и отправил за борт. Я даже не успел рассмотреть их как следует.

Когда улов был очищен от опасных рыб, матросы начали раскладывать его по корзинам. В одну сторону летели осетры, в другую — камбалы.

Палуба постепенно пустела. В сети остались лишь груды сорванных со дна водорослей да бившиеся среди них мелкие рыбешки. Мы натянули брезентовые рукавицы и вмиг перевернули эту кучу.

Тщетно. Никаких амфор море нам не подарило.

— Не сразу повезет, не огорчайтесь, — сказал капитан. — Сейчас мы повторим траление. А я еще разок проверю наше место.

Поднявшись на мостик, он долго колдовал с пеленгатором, наводя его на различные возвышенности на берегу, которые служат маякам ориентирами. Потом дал команду подойти поближе к берегу.

Теперь банка Марии Магдалины пряталась под водой где-то совсем рядом.

Снова забросили трал. Василий Павлович следил за всеми манипуляциями с прежним интересом, но мне, признаться, это уже начало надоедать. И действительно, я оказался прав. Когда трал подняли на борт, в нем опять ничего не было интересного, кроме неистово бьющейся рыбы и раковин. Сначала я помогал разбирать добычу, а потом ушел на нос и улегся там, закинув руки под голову и бездумно глядя в темнеющее небо. Насколько интереснее было бы сейчас нырять на нашей косе Тузле!..

Гвалт возбужденных голосов заставил меня вскочить на ноги. Вокруг трала собралась большая толпа. Я бросился туда и стал расталкивать матросов, пробиваясь вперед, к Василию Павловичу. Он вертел в руках какую-то большую раковину странной формы и внимательно рассматривал ее, сдвинув очки на лоб.

— Судя по глине и качеству обжига... это явно не Пантикапей, — бормотал он. — Но откуда же она?

— Что вы нашли, Василий Павлович? — потянул я его за рукав.

Он посмотрел на меня невидящими глазами, потом нетерпеливо ответил:

— Амфора, осколок амфоры.

Теперь я и сам разглядел, что в руках у него была вовсе не раковина, а кусок изогнутой стенки амфоры. Он поразительно напоминал раковину, потому что оброс довольно толстым слоем тончайших зеленовато-бурых водорослей, похожих на мох.

— Подержите-ка, только осторожно. — Он подал мне осколок, а сам торопливо полез в полевую сумку, с которой не расставался, по-моему, даже во сне, и достал оттуда скальпель.

Острым кончиком ножа профессор начал осторожно счищать водоросли, и мне вдруг показалось, что на глиняном черепке проступают какие-то знаки.

Нет, то был не обман зрения. Когда Кратов расчистил осколок, стало видно отчетливое изображение уродливой головы с растрепанными длинными волосами, оттиснутое на древней глине.

— Медуза Горгона, очень интересно! — пробормотал Василий Павлович, не сводя глаз с изображения.

Он словно боялся, что оно исчезнет так же неожиданно, как и возникло перед нами.

Да, это в самом деле было несомненно изображение страшной головы мифической Медузы Горгоны. Даже я, никогда не выдавший ничего подобного, узнал ее, потому что читал миф о подвиге Персея, отрубившего эту голову, на которую не мог смотреть никто из смертных. И то, что я принял сначала за растрепанные волосы, были на самом деле ядовитые шипы.

щие змеи, как и рассказывалось в мифе.

Но что означал этот рисунок? Я спросил об этом у Василия Павловича.

— Трудно сказать, — ответил он, пожимая плечами и вертя перед глазами черепок. — Пожалуй, просто фабричный знак, клеймо мастера, который сделал эту амфору, или личный знак ее владельца...

Меня немножко огорчило столь прозаическое объяснение. Но то, что я услышал дальше, снова заставило взволноваться.

— Если мне не изменяет память, мы не находили пока еще амфор с подобным знаком. В городах Боспора их, как правило, вообще не клеймили, — продолжал профессор. — Надо будет порыться в книгах, и тогда мы узнаем, откуда плыл этот корабль...

— Какой корабль? — не понял я.

— Греческий, который нам, очевидно, посчастливилось найти.

— Так вы думаете, что тут действительно затонувший корабль? — прерывающимся голосом спросил Павлик, до сих пор молчавший и только тяжело сопевший у меня над ухом.

— Конечно, корабль, — сказал Василий Павлович. — Мы слишком далеко от берега, чтобы допустить столь значительное погружение суши. И потом... Какая тут глубина, Трофим Данилович?

Оказывается, и капитан давно слез со своего мостика и стоит рядом с нами в толпе притихших матросов. На мостике оставался один рулевой, да и тот по пояс высунулся из окошка, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Сейчас проверим, — сказал капитан, отыскивая глазами в толпе акустика. — Ну-ка, Костя, включи эхолот.

Акустик помчался в свою рубку.

— Восемнадцать метров, товарищ капитан! — крикнул он, высовываясь из окошка рядом с рулевым.

Теперь все, как по команде, перевели взгляд на профессора.

— Ну, вот видите, — сказал он. — Конечно, берег не мог опуститься так далеко от своей нынешней кромки и на такую глубину. Значит, здесь не может находиться какой-нибудь затопленный город. Конечно, могло случиться, что эта амфора в единственном числе упала за борт какого-либо проплывавшего здесь в те времена корабля. Но, учитывая, что амфоры находили здесь и раньше, такая возможность исключается. Видимо, действительно нам посчастливилось наткнуться на затонувший корабль. И за это мы прежде всего должны благодарить вас, дорогие друзья!

Тут он церемонно начал раскланиваться во все стороны. А капитану крепко пожал руку и долго тряс ее.

Я не мог больше вытерпеть и решил взять быка за рога:

— Василий Павлович, разрешите готовиться к погружению?

Он сделал вид, что не понимает:

— Какому погружению?

— Разве мы не будем искать затонувший корабль?

— Будем, но не сегодня. Надо дожидаться, когда сюда прибудет вся экспедиция.

— Но хотя бы один спуск, разведочный! — взмолился я.

Василию Павловичу явно не меньше моего хотелось поскорее начать поиски затонувшего корабля. Но, как всегда, старик проявил осторожность и благоразумие.

— Нет, нырять будете только все вместе, — сказал он.

Место, где нашли осколок амфоры с головой Медузы Горгоны, отметили ярко-красным буйком, хорошо заметным издалека. Потом разведчики тепло распрощались с нами и отвезли нас в шлюпке на берег. Нам предстояло добираться до ближайшего селения, где можно найти попутные автомашины до Тамани.

Наутро мы уже были в Керчи.

Надо ли рассказывать, какую сенсацию вызвало наше сообщение о затонувшем корабле! Все рвались сейчас же, немедленно идти в море. Но на чем?

— На катере выходить в открытое море нельзя, — остановил нас Кратов. — Надо подготовиться как следует, запастись прожекторами, продуктами...

А для этого надо было звонить в Москву, связываться с институтом, просить добавочных денег, — мы уже чувствовали, что сборы затянутся на целый месяц, если не дольше.

Но полоса везения продолжалась. Через неделю в Керчь вернулся «Алмаз». Перед новым рейсом на нем предстояло провести текущий ремонт машины и обновить покраску. Мы поговорили с моряками, и они так загорелись поисками затонувшего судна, что упростили свое начальство разрешить им провести всю эту работу не в гавани, а в открытом море. Так что мы снова получили «Алмаз» для плавания к банке Марии Магдалины.

Больше того: в управление рыбной разведки только что прибыла из Москвы новенькая установка подводного телевизора. Прежде чем использовать для поисков рыбы, надо было ее проверить и как следует наладить. Для этого установку передали нам, на «Алмаз», пока мы будем искать затонувшее судно.

Не прошло и двух недель, как все сборы были закончены, и рано утром мы покинули Керчь, отправляясь навстречу неведомому.

«Одинокое в ночном море»

Наш буюк оказался цел и невредим. Возле него мы и стали на якорь.

Солнце уже склонялось к закату. Но всем, конечно, не терпелось начать поиски сегодня же. Василий Павлович на этот раз не возражал, только сам начал проверять у каждого снаряжение. Особенно

придирчиво проверял он меня. Все осмотрел: и компас, и часы, и новенький кинжал.

Но вот уже подана команда к погружению!

Спускались мы по двое. В первой паре шли Михаил со Светланой, во второй — мы с Павликом. Наташа и Борис оставались на борту в полной боевой готовности, чтобы в случае опасности прийти нам на помощь.

Мы были у них как бы на привязи: к поясу каждого из нас прикрепили тонкий тросик. Дергая за него, с борта можно подавать сигналы водолазам. Плавать на такой привязи неудобно, но не спорить же с начальником экспедиции...

Нырять предстояло довольно глубоко, поэтому каждому из нас прибавили вес, нацепив на пояс свинцовые грузила. А то вода вытолкнет, не даст добраться до дна.

Стоя на трапе, я следил, как, оставляя за собой серебристый хвост воздушных пузырьков, все глубже погружаются Михаил и Светлана. Вода была такой прозрачной, что они оставались все еще отчетливо видны даже на глубине пятнадцати метров. Мне показалось, будто они держатся за руки. Но вот они разошлись в разные стороны и словно растворились в воде.

Теперь была моя очередь отправиться вслед за ними. Восемнадцать метров — это не то что в Керченском проливе. Я покрепче зажал зубами мундштук и нырнул.

Примерно на глубине в шесть метров я почувствовал боль в ушах и, прижав маску к лицу, попытался сильно выдохнуть воздух через нос и одновременно сделал несколько глотательных движений. Уши были «продуты». Боль сразу уменьшилась, а через некоторое время я и совсем перестал ее замечать.

Так бывает только на первом десятке метров глубины, где давление сразу возрастает вдвое по сравнению с атмосферным. Дальше оно увеличивается уже медленнее, и организм это переносит спокойно.

Чем глубже я погружался, тем заметнее менялось освещение вокруг меня. Не то чтобы становилось темнее, но постепенно пропадали теплые, красновато-оранжевые оттенки. Теперь меня окутывал синевато-зеленый сумрак, и, наверное, поэтому начало казаться, будто вода становится холоднее.

Но вдруг она и впрямь стала заметно холоднее, словно я внезапно провалился в прорубь. Это я миновал «слой температурного скачка», как называют его океанографы.

А снизу уже наплывало дно. И сразу стало немного светлее. Это всегда бывает, когда приближаешься ко дну. Вероятно, оно отражает часть световых лучей и поэтому получается как бы добавочный источник освещения, не только сверху, от поверхности воды, но и снизу.

Я ухватился рукой за кустик водорослей — судя по длинным лохматым веточкам, это была цистозира, «бородач», как называют ее рыбаки, — и огляделся вокруг.

Какая-то тень скользнула по дну. Я поднял голову. Это спускался Павлик. Когда он приблизился, я взмахом руки предложил ему двигаться направо, а сам поплыл влево.

После Керченского пролива вода казалась идеально прозрачной, и скалистое дно покрывал не противный липкий ил, а тонкий слой светлого песка. Каждый камешек отчетливо выделялся издалека. Но я все-таки плыл медленно, раздвигая руками водоросли и раскапывая каждый песчаный холмик: не прячется ли под ним амфора или обломок корабля? Найти обломок деревянного борта было, конечно, маловероятно, потому что дерево должно было давным-давно истлеть, раствориться в морской воде за двадцать веков. Но амфоры вполне могли сохраниться, да и металлические части тоже — скажем, якорь.

Сигнальный конец, привязанный к моему поясу, резко дернулся трижды. Увлеченный поиском, я даже не сразу понял, что это значит. Неужели прошло сорок пять минут и меня вызывают на поверхность? Дольше на этой глубине работать не полагалось.

Я отметил место, где прервал поиски, выложив на песке крест из камней. Потом, в свою очередь, три раза сильно потянул за сигнальный конец. Это означало, что сигнал я понял и сейчас выхожу на поверхность.

Подниматься следовало не спеша, чтобы пузырьки азота, растворенного в крови, не закупорили кровеносные сосуды. Тогда водолаза может поразить опаснейшая кессонная болезнь — об этом меня предостерегали еще при учебных погружениях. Чтобы не огорчать Кратова, который наверняка сейчас стоит у трапа с секундомером в руках и придирчиво проверяет, соблюдаем ли мы инструкцию, я поднимался, как и требовалось, ровно три минуты.

На борту, свесив ноги, сидели Миша Аристов и Светлана. Михаил, отдуваясь, с наслаждением пил горячий чай, обернув ручку

алюминиевой кружки носовым платком. А Светлана уплетала шоколад, который каждому из нас выдавали, опять-таки строго по инструкции, после погружения. По их лицам я сразу понял, что они тоже ничего не нашли.

В таких бесплодных поисках прошло три дня. С утра до вечера мы ныряли, метр за метром обшаривая дно. На судне тоже шла будничная работа. Механики возились в своих подземельях, перебирая машину. Матросы в одних трусах покачивались на лавочках, подвешенных на тросах, покрывая борта новенькой краской. Они так привыкли к нашим неудачам, что на третий день даже не поворачивали голову, когда кто-нибудь из нас всплывал, — опять с пустыми руками.

Мы надеялись, что нам поможет в поисках подводный телевизор, но Костя, акустик, все никак не мог его наладить. Отгородив уголок палубы, он целые дни напролет возился там с лампами, трубками, прожекторами. Постепенно выросло довольно неуклюжее сооружение: большая рама, похожая на виселицу, а на ней, в паутине проводов, телевизионная камера и три сильных прожектора.

Наконец он объявил, что все готово и можно провести первую передачу. Приемник установили в кают-компании, завесив все иллюминаторы, кроме одного. Через него Костя командовал матросам у лебедки, в какую сторону повернуть стрелу с подвешенной к ней на длинном тросе установкой.

Народу в кают-компанию набилось битком. Те, кому не удалось занять местечко заранее, заглядывали в дверь. Но их скоро прогнали: свет, падавший из двери, мешал смотреть на экран. Прямо напротив экрана сели Василий Павлович и капитан. Мне удалось примоститься совсем рядом с ними, так что все хорошо было видно.

Но смотреть пока было нечего. Костя крутил разные рукоятки, покрикивал на матросов, застревая головой в тесном иллюминаторе. Но экран оставался темным и беззвучным.

И вдруг он засветился призрачным голубоватым сиянием. Сначала трудно было понять, просто ли он светится или уже идет передача из морских глубин. Но вот в уголке экрана появилась маленькая барабулька с выпученными глазами, — значит, аппарат работал нормально. Мы действительно, не выходя из каюты, все вместе нырнули под воду. Для нас, уже совершивших немало спусков, изображение на экране было, конечно, лишь тусклой и серой копией подлинных картин подводного мира, но для тех, кто никогда не нырял с аквалангом, все это выглядело феерически. Со всех сторон раздавались возбужденные возгласы и вскрики:

— Смотри, кефалька!

— А вон медуза!

— Ух, как удирает!

Действительно, медуза почему-то промчалась через весь экран

снизу вверх, как ракета. Мне никогда не приходилось видеть под водой, чтобы эти противные существа так быстро плавали. Да ведь это не медуза так быстро всплывает, сообразил я, а, наоборот, погружается все глубже телевизионная камера. Так пассажирам поезда кажется, будто бегут за окном столбы и деревья, на самом-то деле совершенно неподвижные.

Промелькнул бычок, быстро работая широкими плавниками. В середине экрана он на миг задержался, повеяв выпученными глазами в нашу сторону, а потом юркнул в темноту. Затем появились две довольно крупные кефали. Но они держались вдалеке, не приближаясь к аппарату. Сверкнув чешуей, они тоже скоро скрылись из глаз.

Теперь камера, чуть наклонившись, медленно двигалась над самым дном. И все мы притаив дыхание не отрывали глаз от экрана. Ощущение было такое, будто я сам опять парю над морским дном в акваланге. Зубы мои непроизвольно сжались, словно прикусывая мундштук дыхательной трубки...

Мы обшаривали дно двумя десятками глаз. Но ничего особенного не заметили. Всё те же пучки водорослей, колыхавшиеся, словно ковыль под ветром, камни, песчаные бугорки, рыбешки, стремительно уплывавшие в разные стороны от аппарата.

Камера повернулась, и мы увидели на экране скалистую неровную стену обрыва. Местами за нее каким-то чудом цеплялись водоросли.

— Спускайте, — дрогнувшим голосом сказал Кратов.

Камера, покачиваясь, поползла вниз вдоль отвесной стены.

Изображение на экране было черно-белым, поэтому перемены в цвете от глубины погружения не ощущалось. Только все меньше и меньше росло водорослей да реже мелькали рыбешки. И постепенно темнее становилось изображение: лампам все труднее пробивать сгущающуюся подводную тьму. Но вдруг экран снова заметно осветлел.

— Сейчас будет дно, — громко сказал Аристов.

Он никогда не упускал случая щегольнуть своими знаниями подводных глубин.

В самом деле, осветление говорило о близости дна, отражавшего рассеянный в воде свет солнца. Костя осторожно повернул камеру, и мы увидели небольшой кусочек морского дна, площадью, наверное, в десять квадратных метров, не больше. Дальше все пряталось в темноте. Наши глаза быстро обшарили все, что умещалось на этом маленьком пятчке освещенного прожекторами пространства: два обломка скалы, торчащие из песка, одинокая актиния, лениво колышущая щупальцами, и небольшой песчаный бугорок.

...Он сразу привлек мое внимание своей странной продолговатой формой. Что там пряталось, под песком? Обломок скалы? Или амфот-

ра? Во всяком случае, бугорок явно что-то таил в себе, иначе море давно бы уже сровняло его с песчаной поверхностью дна. У меня прямо зачесались руки, так хотелось разворошить песок!

Бугорок привлек не только мое внимание, потому что Миша Аристов вскочил и, нарушая благоговейную тишину, торопливо сказал:

— Надо немедленно проверить, что там такое прячется. Василий Павлович, разрешите мне нырнуть!

— Почему именно тебе? — вскипела Светлана.

Но Кратов остановил их поднятой рукой:

— Тише, тише... Трофим Данилович, какая тут глубина? — повернулся он к капитану.

Тот не успел ответить. Его опередил акустик, сообщивший показания своих приборов:

— Глубина двадцать девять метров!

Кратов на минутку задумался, закусив губу. Мы все пятеро смотрели на него умоляюще. Было очевидно, что ему самому страсть как хочется разворошить этот загадочный бугорок. Но он не решался послать нас на такую глубину без тщательной подготовки.

— Василии Павлович, ведь мы же ныряли, когда учились, и глубже! — умоляюще сказала Светлана.

Кратов посмотрел на нее, потом на капитана, нахмурился и стал рыться в своей неразлучной сумке. Что он искал? Кто-то торопливо зажег свет.

Василий Павлович достал из сумки инструкцию и начал сосредоточенно изучать таблицу декомпрессии. Что там изучать? Каждый из нас наизусть знал, сколько минут можно пробыть в акваланге на той или другой глубине и как следует потом подниматься, чтобы не заболеть кессонной болезнью.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Только будем строго придерживаться инструкции. Находиться на такой глубине следует не более пятнадцати минут и четыре минуты подниматься на поверхность...

— Почему пятнадцать? Можно и двадцать пять, — перебил его я, отлично помня таблицу.

— Потому что я так приказываю! — строго оборвал меня Кратов. — Ясно? Погружается Аристов, страхуют его Козырев и Смирнов.

Миша и Борис вскочили и бросились к двери. А я мрачно посмотрел им вслед и сказал:

— Василий Павлович, я не могу страховать, у меня что-то голова болит...

Кратов внимательно посмотрел на меня и ответил:

— Хорошо, тогда вторым страхующим назначается Борзунов.

Обрадованный Павлик тоже побежал на палубу. Не знаю, чему они с Борисом так радовались. Если б нам разрешили нырять, а то

страховать этого выскочку Аристова, который всегда успевает выхватить себе задание поинтереснее!..

Когда ребята приготовились, Василий Павлович не поленился сходить на палубу, чтобы проверить их снаряжение. А мы продолжали сидеть перед экраном и пристально рассматривали бугорок на дне. Я так пялился на него, что глаза заболели и начали слезиться.

Василий Павлович вернулся, в кают-компания погасили свет, и снова все придвинулись к телевизору. Несколько минут изображение не менялось. Потом щупальца актинии вдруг заколыхались сильнее, на песок легла тень, и в кадре появился Михаил, окруженный целой тучей воздушных пузырьков. По-моему, он нарочно выпускал их побольше, но это было действительно красивое зрелище.

Аристов сразу направился к бугорку и начал разрывать песок руками. Мы все затаили дыхание и еще теснее сгрудились у экрана. Как назло, Михаил заслонял от нас своим телом бугорок. Василий Павлович заворчал и даже постучал пальцем по экрану, словно Аристов мог услышать и подвинуться в сторону. Если бы я сейчас был там, на его месте!

Но вот он повернулся к аппарату, и все ахнули. В руках у него была настоящая, совершенно целая греческая амфора!

Подводные раскопки

Древнегреческое судно найдено! Теперь никто уже не сомневался в этом.

Сразу забыв о телевизоре, мы все заторопились на палубу, чтобы своими глазами увидеть поскорее чудесную амфору, тысячи лет покоившуюся на дне в сумраке морских глубин. Михаил всплывал, держа ее перед собой на вытянутых руках. Она оказалась большой, почти метровой высоты.

Драгоценную находку принял у него Борис Смирнов, стоявший по колено в воде на трапе, и осторожно передал Кратову.

— Несомненно, второй век до нашей эры, — бормотал Кратов, вертя амфору в руках. — Но мастерская не боспорская. Как и тот осколок. Откуда же он плыл?

Как наш старик ухитрялся различать мастеров, умерших тысячи лет назад, по качеству обожженной ими некогда глины и по ее составу, всегда поражало нас. Но он никогда в этих тонкостях не ошибался.

Амфору бережно завернули в толстый слой ваты, и Василий Павлович сам отнес ее в свою каюту. Мы, конечно, все рвались немедленно в воду. Но, как всегда, профессор охладил наш пыл своей расудочностью и аккуратностью.

— При раскопках главное — строжайший порядок, — сказал он нам, — это следует знать и студентам. Мы ведь не клады ищем, а

изучаем жизнь и быт давно исчезнувших народов. Малейшая неточность при раскопках может привести к непоправимым ошибкам. Это справедливо при работах на суше и во сто крат справедливее при раскопках под водой.

Вечером Василий Павлович созвал в кают-компании «большой военный совет», как он его назвал. Кроме всех нас, участников экспедиции, были капитан и гидроакустик. Заседали мы часа три и разработали подробнейший план подводных работ.

Прежде всего большой участок дна предстояло разбить на квадраты, натянув между колышками проволоку. Так всегда принято при раскопках, чтобы точно знать, в каком месте найдена та или иная вещь.

Нырять мы должны по двое. Пока первая пара находится на дне, вторая страхует ее, а третья отдыхает. При таком графике каждый из нас будет работать на дне по двадцать пять минут, затем час отдыхать перед следующим погружением.

В этот вечер мы долго не спали, сидели на баке и пели песни. Уже за полночь Василий Павлович прогнал нас, пригрозив отменить завтра погружения. Но, и улегшись на палубе под звездами, мы все долго вертелись, перешептывались, девчата о чем-то хихикали. А потом я сразу заснул, словно провалился в яму.

В девять утра мы все шестеро выстроились вдоль борта. Василий Павлович снова придирчиво проверил у каждого снаряжение. Потом первая пара — Михаил с Наташей — начали облачаться в гидрокостюмы. Это довольно неудобный наряд из резиновой рубашки и таких же брюк. Снизу под него надевается еще теплое шерстяное белье. По инструкции, работать в таких костюмах полагается, если температура воды падает ниже шестнадцати градусов. Сегодня у дна, где нам предстояло работать, было семнадцать градусов, но Василий Павлович все-таки настоял, чтобы мы напялили эти костюмы.

Михаил оделся первый и полез по трапу. Наташа посмотрела на его неуклюжие движения и расхохоталась.

— Не смейся, у тебя видик не лучше, — утешила ее Светлана и, оглянувшись на Кратова, вызывающе добавила: — А я ни за что не надену такую уродину.

— Ну что ж, тогда вам придется посидеть на палубе, — кротко ответил Василий Павлович.

Наши друзья скрылись под водой. Василий Павлович с капитаном сразу же отправились в кают-компанию, чтобы наблюдать за их работой по телевизору. Павлик, подумав, отправился следом за ними. А Борис растянулся на палубе на самом солнцепеке и честно начал отдыхать, как полагалось ему по графику.

Держа в руках сигнальные концы, постепенно убегавшие в воду, мы со Светланой свесились через борт, стараясь рассмотреть, что делают наши товарищи. Но они погрузились уже слишком глубоко.

Нам не терпелось сменить их. Но время на борту текло, видно, гораздо медленнее, чем под водой. Во всяком случае, меня всегда огорчало, что на поверхность вызывают слишком быстро. Теперь мне страшно хотелось поскорее поднять на палубу и Михаила с Наташей. Последние десять минут я не отрывал глаз от часов, подгоняя взглядом ползущую стрелку.

До первого уступа, на глубине шестнадцати метров, где вели поиски раньше, мы со Светланой спустились без всяких происшествий. Но у края обрыва Светлана знаками показала, что хочет передохнуть. Наверное, она просто не могла сразу решиться нырять дальше, в темную пропасть, зиявшую перед нами. Времени у нас и так было мало, я решительно нырнул глубже. С каждым метром становилось темнее. Свет здесь напоминал лунный, хотя на поверхности всюду сияло горячее южное солнце. Исчезли, потускнели все теплые тона. Мои оранжевые ласты казались совершенно черного цвета.

Внизу расплывчатым пятном светили прожектора, укрепленные на раме телевизионной установки. Мы направились прямо к ним и тут разделились: Светлана поплыла направо, внимательно осматривая дно, а я налево.

Дно было песчаным и ровным, каждый бугорок бросался в глаза. И водорослей на такой глубине растет уже мало. Проплыв метров пятьдесят, я заметил всего три кустика цистозеры.

Я старался не пропустить ни одного бугорка. Раскопал их штук пять, но ничего не нашел. То попадались осколки рифа, скатившиеся вниз во время шторма и засыпанные песком, то странные норки, сделанные, видимо, какими-то неведомыми морскими обитателями. Один из бугорков, когда я протянул к нему руку, вдруг начал двигаться в сторону. Это оказался большой краб, бочком ускользнувший от меня в расщелину скалы.

Я развернулся и поплыл в обратную сторону. Но закончить маршрут не успел. Три сильных рывка сигнального конца вызывали меня на поверхность. Наверное, у них часы испортились, успокоил я себя, можно проплыть еще немножко. Но рывки становились все настойчивее, требовательнее.

Не стоило понапрасну сердить Василия Павловича. И я начал не спеша подниматься из сумрачного лунного сияния глубин к яркому свету солнца.

И представляете, что я увидел, поднявшись по скользкому трапу на борт? Все толпились вокруг Василия Павловича, державшего в руках какую-то небольшую статуэтку. А рядом в гордой позе победительницы стояла Светлана, даже забывшая, как смешно и неуклюже она выглядит в гидрокостюме. Значит, пока я гонял проклятого краба, она нашла эту статуэтку! Что мне стоило послать ее налево, а самому направиться в ту сторону, где ей посчастливилось наткнуться на такую замечательную находку?

Торопливо сбросив комбинезон, я присоединился к товарищам. Статуэтка переходила из рук в руки. Она изображала молодого круглолицего человечка, который неистово хохотал, запрокинув голову. Поза была настолько живой и непосредственной, что у всех у нас на лицах тоже невольно появились улыбки.

— Сросшиеся густые брови... приплюснутый нос... Это, вероятно, изображение сатира, — говорил Василий Павлович, любовно поглаживая фигурку буйного весельчака заметно дрожавшими пальцами. — Так принято изображать этих лесных демонов, неизменных спутников бога Диониса! И посмотрите, какая тонкая работа! Ай да Светлана! Ну, удружила! Будет очень любопытно узнать, привезена ли эта статуэтка из Греции или слеплена каким-либо местным мастером...

— А из чего она сделана? — спросила Наташа.

— Терракота. Неужели вы не можете определить сами? Великолепная глина, отличный обжиг. По этим признакам мы определим в лаборатории, в какой мастерской она родилась.

— По-моему, она настоящая греческая, — солидно сказала Светлана, стаскивавшая в сторонке свой резиновый костюм. — Вряд ли умели так хорошо делать здесь, в колониях.

Василий Павлович рассмеялся.

— Просто вам хочется, голубушка, набить цену своей находке, — сказал он. — А для науки гораздо ценнее, если эта статуэтка окажется местного производства. В наших музеях уже есть немало замечательнейших статуй, барельефов, мозаик, которые отнюдь не уступают тем, что находят при раскопках в Греции. А делали их несомненно местные мастера. Возьмите, например, чудесную статую горгиппийского наместника, найденную незадолго до войны в Анапе. Или мозаика на полу древнегреческой бани из Херсонеса. Вы ее, наверное, видели в Эрмитаже...

Он задумался о чем-то, потом добавил:

— Не думаю, чтобы подобные произведения искусства встречались часто у моряков того времени... Видимо, хозяин статуэтки был человеком достаточно образованным и большим поклонником искусства. И кто знает, не посчастливится ли нам найти... — И вдруг замолчал, прервав себя на полуслове.

— Что найти? — зашумели мы. — Каких находок вы ожидаете? Скажите, Василий Павлович!

Но в ответ на все наши просьбы он только махал рукой и смущенно улыбался:

— Нет, нет, мечтать некогда. Надо работать! Время дорого, друзья, давайте продолжать. Чья очередь погружаться?

Очередь была Бориса и Павлика. Они начали торопливо надевать комбинезоны. Мы помогали им.

Когда они скрылись под водой, оставив на поверхности шипящее

облачко воздушных пузырьков, Василий Павлович неожиданно сказал:

— Если бы самому нырнуть туда, в глубину... Эх, молодежь, молодежь! Ничего-то вы не понимаете! — и, горько махнув рукой, то рошливо пошел в каюту.

Мы молча смотрели ему вслед, потрясенные этой горечью, этой завистью к нам, молодым и здоровым, прозвучавшей в его словах...

Удача оказалась не последней в этот день. До вечера мы успели совершить еще по три погружения, и почти ни разу не возвращались с пустыми руками. К вечеру на палубе лежало двенадцать целехоньких амфор. У одной сохранилась даже смоляная пробка в горлышке, и мы с любопытством гадали, что же содержится внутри.

Она была довольно тяжелой, и, когда ее покачивали, в ней что-то булькало.

— Ой, братцы, а если там запрятан нечистый дух, как в арабских сказках! — воскликнула Наташа под общий смех.

Но, сколько мы ни упрашивали, Кратов не разрешил ее распечатать.

— В лаборатории, в лаборатории, — повторял он.

На большом куске парусины, расстеленном у мачты, выросла солидная груда глиняных черепков. Конечно, находить целые амфоры было приятнее, но мы не пропустили и ни одного черепка. Каждый из них Василий Павлович придирчиво осматривал и показавшиеся ему наиболее интересными откладывал в особую кучку.

Павлику посчастливилось отыскать в песке медный рыболовный крючок, позеленевший и сильно изъеденный соленой морской водой. Я нашел какой-то странный кусок обожженной глины — круглый, с отверстием посередине. Понять его назначение не мог даже Василий Павлович.

Следующий день принес новые находки. Правда, это были только амфоры. Но зато за день мы их добыли шестьдесят восемь. Это только целых амфор, не считая множества черепков.

Честно говоря, вести раскопки на дне оказалось более трудной работой, чем мы сначала предполагали. Одно дело разведочные поиски, когда просто плывешь над морским дном, а совсем иное целый день копаться в песке. Его приходилось разгребать руками, просеивать в пальцах, чтобы не пропустить ни одного, даже крошечного,

осколка амфоры или какого-нибудь проржавевшего рыболовного крючка. Много ли при этом успеешь за двадцать пять минут? Только приладишься, как тебя уже вызывают на поверхность. И сколько мы ни уговаривали профессора увеличить хотя бы на пять минут время пребывания на дне, он не разрешал ни в какую.

Нелегко было и поднимать амфоры на поверхность. Весили они в воде немного, но не станешь же таскать их поодиночке. А свяжешь вместе несколько амфор — получается очень неуклюжая и громоздкая гроздь, никак ее не удержишь в руках.

Вспомнив один случай, описанный в книге Кусто «В мире безмолвия», я нашел было выход. Выкопав амфору, переворачивал ее острым доньшком кверху и направлял в горловину пузырьки отработанного воздуха. Он постепенно наполнял амфору, словно глиняный воздушный шар, и она всплывала на поверхность. Сначала Кратову понравилась моя выдумка. Но одна из всплывших таким образом амфор по несчастной случайности стукнулась о дно нашего «Алмаза» и едва не разбилась. Тогда пользоваться этим приемом запретили.

Мы с Михаилом разработали другой метод. Все раскопанные амфоры аккуратно складывались рядком на дне, а при последнем погружении очередная пара водолазов собирала всю добычу в большую капроновую сетку, и эту громадную «авоську» бережно поднимали на борт.

Так мы проработали еще день. Мы подняли со дна сорок девять амфор и какие-то изогнутые медные пластинки, вероятно часть якоря. А четвертый день едва не кончился трагически.

«Жизнь ему спас другой...»

В этот злополучный день происшествия начались с самого утра. Когда я поднялся на палубу, утро было чудесное — солнечное и тихое. У левого борта стояла Наташа и смотрела в воду. Она повернулась ко мне, лицо у нее было бледное-бледное, а глаза такие большие и круглые, словно она увидела морского змея.

— Что с тобой? — испугался я.

— Ты посмотри, какая гадость! — жалобно проговорила она. — Я нырять не стану ни за какие коврижки.

Ничего не понимая, я заглянул за борт. Вода была какой-то странной, белесой, точно в море пролили молоко. Приглядевшись, я увидел, что вокруг судна кишмя кишат медузы. Никогда в жизни я не видел столько медуз сразу. Маленькие и большие, они буквально превратили море в какой-то чудовищный живой суп. Признаться, меня тоже слегка передернуло при мысли, что придется нырять в это месиво. Но я как можно бодрее сказал:

— Ну и что такого? Чего ты струсил? Они же не кусаются.

— Они липкие, противные, холодные, как лягушки! — затарато-

рила Наташа. — Чуть притронутся ко мне, я сразу умру!

— Кто это посмеет к тебе притронуться? — спросила подошедшая к нам Светлана. — Уж не этот ли неудавшийся дельфин?

— Посмотри туда! — умирающим голосом сказала Наташа, махнув рукой. — Я не могу больше!

Светлана заглянула вниз, и лицо у нее вытянулось, а в голосе уже не осталось никакой воинственности, когда она пробормотала:

— Вот так мерзость!.. Это Медуза Горгона их подослала.

— Ты думаешь? — ахнула Наташа. — Пускай это предрассудок, но я сегодня нырять отказываюсь.

— У меня тоже что-то голова разболелась, — сказала Светлана и потерла лоб. — Пойду прилягу...

Вот так и получилось, что нырять в этот день нам пришлось вчетвером. Я оказался в паре с Михаилом.

Медузы плавали только в верхнем слое. Но пробиваться через эти первые два метра было довольно-таки неприятно. Зато на дне вода была сегодня какой-то особенно чистой и прозрачной.

Мы благополучно спустились на дно трижды и все время работали почти рядом, выкапывая из песка одну амфору за другой. Но перед четвертым погружением Миша вполголоса сказал мне:

— Давай разделимся. Ты продолжай копать на старом месте, а я пройду немного правее. Надо поразведать границы судна, а то здесь уже мало начинает попадаться амфор. А в следующий раз я буду копать, а ты отправишься на разведку.

— Ладно, — кивнул я.

В самом деле, уже следовало расширить место раскопа и поточнее определить границы затонувшего корабля.

На лбу у Михаила сверкали крупные капли пота, словно он только что вылез из воды.

— Что с тобой? Ты не болен? — спросил я.

— Нет. Просто жарко. Лень было снимать костюм после прошлого погружения, так в нем и просидел час. Пропарило лучше бани. Ничего страшного, на дне освежусь! Пошли.

Нырнули мы вместе. Я занялся раскопкой амфор на прежнем месте, а Михаил, помахав мне рукой, поплыл в темноту, окружавшую пятачок дна, освещенного прожекторами.

Мне повезло. Когда сверху подали сигнал выходить, я уже раскапывал третью амфору. Все они лежали рядышком, словно яйца в гнезде. С сожалением посмотрев на них последний разок, я начал всплывать. По инструкции, на это полагалось четыре минуты, так что пришлось дважды сделать небольшие остановки на глубине пятнадцати, а потом девяти метров.

Но сегодня мне почему-то мешали соблюдать инструкцию, сильно натягивая сигнальный конец. Ухватившись за трап и высунувшись по пояс из воды, я вытащил изо рта мундштук и заорал:

— Чего вы тянете? Я не рыба на крючке, сам выплыву!

И осекся, увидев побледневшее, перепуганное лицо Павлика.

— Где Михаил? — спросил он.

— Разве он не вышел? Сейчас поднимется, чего вы порете горячку?

— Он не ответил на сигнал, — сказал Павлик, дергая за сигнальный конец. — Видишь, я тащу, а никакого ответа.

Раздумывать было некогда.

— Прыгай за мной! — сказал я и начал торопливо засовывать в рот загубник.

Павлик мешкал. Я хотел снова поторопить его, но мундштук уже был зажат у меня в зубах и получилось какое-то неразборчивое мычание. Тогда я просто махнул рукой и нырнул.

По правилам, должны были идти на вырубку страхующие. Но медлить было нельзя, раз они растерялись. А у меня в баллонах еще оставалось вполне достаточно воздуха.

Я погружался все глубже вдоль троса, который должен был привести меня к Михаилу. Но вдруг почувствовал такую резкую боль, что едва не вскрикнул и не выронил изо рта мундштук.

Маска сжала мне лицо, словно стальными клещами. Я не сразу сообразил, что получился обжим, как называют его водолазы.

Я опускался слишком быстро. Давление воздуха внутри маски не успевало сравниться с давлением окружающей воды. Маска присосалась к лицу, словно большая медицинская банка, какие ставят больным при простуде, и края ее сильно сдавили мое лицо.

Чтобы избавиться от обжима, я на минуту остановился и несколько раз сильно выдохнул воздух в маску через нос. Стекло запотело, но зато давление маски на лицо сразу уменьшилось и боль немножко утихла. Дальше я погружался уже осторожнее.

Еще несколько метров вниз, и я увидел Михаила, лежащего ничком на песчаном дне. Он не подавал никаких признаков жизни, хотя пузырьки отработанного воздуха и продолжали серебристой цепочкой вырываться из клапана акваланга. Было некогда разбираться, что же такое с ним приключилось. Трясущимися руками я вытащил кинжал и перерезал сигнальный трос, обвязанный у него вокруг пояса, чтобы не запутаться в нем, потом подхватил товарища под мышки и посадил на песок.

Мундштук, к счастью, не выпал у него изо рта, значит, он не захлебнулся. Но глаза у него были закрыты и лицо заметно потемнело.

Крепко обняв его за пояс, я начал всплывать. Это было не так-то легко. Только с трудом поднявшись метров на пять, я сообразил, что можно уменьшить наш вес, сбросив грузила с пояса у него и у себя.

Пока я это делал, ко мне присоединился Борис, нырнувший наконец-то на подмогу. Вдвоем мы стали подниматься быстрее, хотя я

все-таки вовремя вспомнил об опасности кессонной болезни и сделал две необходимые остановки, как ни не терпелось нам поскорее вырваться на поверхность.

Нас одного за другим втащили на борт, и судовой врач с помощью Светланы тут же начал делать Михаилу искусственное дыхание и растирать грудь. Я стоял рядом, тяжело, прерывисто дыша. Почему мне так трудно дышать? И вдруг Павлик сказал:

— Даними ты маску, уже все...

Так вот отчего я задыхался: забыл снять маску! Я торопливо содрал ее с головы и склонился над Михаилом.

Что же с ним произошло? Азотное опьянение? Но оно бывает только на глубинах свыше пятидесяти метров. Кессонная болезнь? Тоже не похоже. Ведь я его нашел на дне, он еще не начинал подниматься на поверхность.

Врач сделал Михаилу два каких-то укола в руку, потом поднес ему к носу пузырек с нашатырным спиртом.

Михаил сморщился и застонал. Потом он открыл глаза и бессмысленно уставился на наши встревоженные лица.

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— Не знаю... Кажется, потерял сознание, да?

— Что вы чувствовали перед этим? — допытывался врач. — Какие были ощущения?

— Какие ощущения? Какая-то слабость, тошнота... и голова болела. — Он остановился, припоминая. — Дышалось плохо.

— Акваланг у него в порядке, я проверил, — вставил Борис.

Видно, как страхующий, он чувствовал какую-то вину за все происшедшее.

— Вам было жарко? Дышали часто? — продолжал допрашивать врач.

— Очень жарко. И дышал часто, потому что воздуха не хватало.

— Принесите-ка с камбуза холодного чаю, только очень холодно-го, — приказал медик, — пусть кок ледку туда бросит из холодильника.

— Что же все-таки с ним приключилось, доктор? — спросил Кратов.

Как все доктора при подобных вопросах, судовой врач принял глубокомысленный вид и раздумчиво ответил:

— Судя по симптомам, ничего особенно страшного. Просто тепловой удар. Перегрелся на палубе перед погружением, вот и обморок. Но, поскольку он произошел под водой, все могло кончиться гораздо хуже. Вырони он загубник...

Да, если бы Михаил выпустил мундштук, а я опоздал, все обернулось бы трагически.

Я вспомнил, что перед этим злосчастным погружением видел испарину на лбу у Мишки. Ну да, он же просидел целый час на сол-

нышке в резиновом костюме, вот и весь секрет. Я уже раскрыл рот, чтобы поделиться своей догадкой со всеми, но перехватил напряженный взгляд Михаила. Молчи, умоляли его глаза, молчи! И я закрыл рот.

Когда Павлик и Борис унесли Михаила вниз, в каюту, Светлана вдруг накинулась на меня:

— Почему у тебя кровь из носа идет?

— Где? — Я провел рукой по лицу.

Она действительно выпачкалась в крови.

— И глаза у него красные, большие, посмотри, Света, — закудахта-
тала Наташка.

Пришлось им сознаться, что у меня был маленький обжим. Тут уж они, конечно, бросились демонстрировать на мне свои медицинские способности. Почему это люди так любят всегда изображать из себя опытных врачей, хотя не смыслят в медицине ничегошеньки? Вы замечали: стоит только заболеть, как буквально все окружающие замучают своими советами. И притом советы дают прямо противоположные. Если один скажет: приложить лед ко лбу, то другой непременно пропишет горячий компресс...

Девчата обмотали мне голову мокрым полотенцем, так что я ничего не мог видеть вокруг, а потом заставили задрать ее повыше и в такой смехотворной позе, придерживая за локотки, как инвалида, повели меня в каюту.

Михаил лежал там на койке и, отдуваясь, пил холодный чай, густой и темный, как нефть. Меня торжественно уложили на другую койку, как я ни упирался. А потом Светлана стала в «артистическую» позу посреди каюты и запела:

Служили два друга у нас в полку,

Пой песню, пой!

И если один из друзей грустил,

Смеялся и пел другой...

Я запустил в нее подушкой, но она увернулась и продолжала:

И часто спорили эти друзья.

Пой песню, пой!

И если один говорил из них «да»,

«Нет», говорил другой...

Следующий куплет со смехом подхватила Наташка:

В кто бы подумать, ребята, мог,

Пой песню, пой!

Что ранен в бою был один из них,

Жизнь ему спас другой...

Песня довольно точно, пожалуй, отражала наши взаимоотношения с Михаилом...

Девчата с хохотом убежали на палубу, а он сказал мне:

— Шутки шутками, а ты ведь действительно спас мне жизнь. Спасибо! Постараюсь отплатить тебе тем же.

— Что за счеты! — ответил я. — Как-нибудь рассчитаемся...

Странная находка

Наутро мы оба чувствовали себя вполне, здоровыми, я-то уж во всяком случае. Но Кратов отменил все погружения и объявил этот день выходным.

Но зато, отдохнув, мы на следующий день подняли на поверхность девяносто шесть амфор! Я одну за другой выкапывал их из песка, а сам мечтал уже о других, более интересных находках. Меня все время тянуло покопаться в том месте, где Светлана нашла чудесную статуэтку. Видимо, там была каюта команды или капитана.

Перед очередным погружением я отозвал Михаила в сторону и сказал:

— Как ты смотришь насчет уплаты долга?

— Какого? — удивился он. — Ах, я же тебе обязан жизнью, понимаю. Но как такой долг вернуть? Ты же не тонешь. Прыгай за борт, я тебя спасу — и будем квиты.

— Брось паясничать, — сказал я. — Ты же прекрасно помнишь наш уговор. Я работал за двоих, пока ты занимался разведкой. Теперь моя очередь поискать что-нибудь интересное, пока ты за меня будешь раскапывать амфоры.

— Справедливо, синьор, — согласился он. — Но мы же с тобой работаем в разных парах. Поменяйся со Светланой очередью, тогда я смогу выполнить свое обещание.

В этот день ничего сделать не удалось: не нашел, как подступиться к Светлане. С ее настырным характером она непременно бы стала допытываться, а зачем это мне надо...

Я решил отложить свои планы до другого дня. Но, проснувшись утром, еще не выходя на палубу, сразу понял, что ничего из моего замысла не выйдет. Койка раскачивалась, словно колыбель. По полу каюты ползали из угла в угол ботинки. Переборки скрипели, дребезжал графин на полочке в специальном гнезде.

Начинался шторм, и нашей работе приходил конец.

Я вышел на палубу. Она качалась и ускользала из-под ног. Ветер взлохматил мои волосы. На крыле мостика стоял капитан в плаще, придерживая обеими руками фуражку,

— Три балла! — весело крикнул он мне. — И ветерок крепчает!

Нашел чему радоваться! Конечно, старик ни за что не разрешит нам сегодня спускаться. Инструкция «не рекомендует» погружения даже при волнении в два балла. А почему? Ведь на дне сейчас спокойно, как всегда. Волнение затихает уже в нескольких метрах от

поверхности моря.

В десять часов мы собрались на совещание в кают-компанию. Кратов был мрачен и сразу предоставил слово капитану.

— Мне жаль вас огорчать, Василий Павлович, — сказал тот, — но, судя по всему, придется уходить. Ветер крепчает и к ночи разыграется баллов до шести. На таком грунте мы не устоим и на двух якорях. Придется дальнейшие поиски отложить.

Кратов поднял голову, тяжело вздохнул и пожал плечами.

— Ну что ж, — сказал он медленно, — с морем, конечно, не поспоришь. Только бы нам не потерять это место.

— Об этом вы не беспокойтесь. Аккуратненько запеленгуем наше положение, и в будущем году вы точно придете на это место.

Кратов помялся, а потом со смущенной улыбкой добавил:

— Если б можно было бы как-нибудь... прикрыть место раскопок. На суше мы всегда так непременно делаем. А то размочит все штормом, — и выжидательно посмотрел на капитана.

— Это на дне-то? — Капитан громко рассмеялся. — Простите, профессор, но вы плохо знаете море. Поверьте мне: там, где лежит затопленное судно, сейчас полный штиль. Если уж ваши амфоры не разбило вдребезги за двадцать веков, то наверняка ничего с ними не случится еще за год.

— Вы правы, — смутился Василий Павлович.

Но по выражению лица было видно, что слова капитана его все-таки не вполне успокоили. Он все боялся потерять так счастливо найденный корабль.

Заметил это и капитан и, подумав, предложил:

— А что, если нам поставить под водой сигнальные буйки? Чтобы надежнее определить границы раскопок? На поверхности их могут сорвать зимние штормы, да и не стоит привлекать к этому месту чужое внимание. А если их укрепить на якорьках метрах в двух от дна, то никакая волна не потревожит.

Как загорелись мы этой идеей! Еще бы: совершить последнее погружение в шторм! Воспоминаний хватит надолго.

Опять профессор засомневался:

— Предложение весьма заманчиво, Трофим Данилович. Но как его осуществить? Ведь работать в шторм под водой запрещает инструкция.

— А вы не читайте ее, — к нашему восторгу, добродушно ответил капитан. — В шторм их листать некогда. Да и разве предусмотритесь в инструкции все случаи? Ребята у вас бравые, ныряют отлично. А если вы в них сомневаетесь, могу послать кого-нибудь из своих ребят. Вот Курзанову, например, доводилось нырять и не в такой шторм, чтобы освободить от намотавшихся сетей рулевое перо...

Никак мы не ожидали от капитана подобного выпада. Все мы так зашумели, что он шутливо замахал на нас руками и закричал:

— Да это форменный бунт! По морским законам я вас всех перевешаю сейчас на рее!

Однако своими словами он принес нам и пользу. Его предложение задело нашего начальника. Кратов встал, поднял руку, требуя тишины, и сказал решительно:

— Так и сделаем. Аристову и Козыреву готовиться к погружению, Павлик и Борис страхуют.

С помощью матросов мы быстро привязали на коротеньких тросах тяжелые грузила к двум буйкам. Сначала выбрали было более яркие и нарядные красные буйки, а потом сообразили, что ведь под водой они потеряют свой яркий цвет и станут плохо заметны. Решили их заменить белыми.

На этот раз погружением руководил сам капитан. Мы должны были спускаться в воду не с трапа, как обычно, а по веревочной лесенке, спущенной со стрелы. А то волна могла шарахнуть нас о стальную обшивку. Стрела же, с помощью которой на палубу поднимают грузы, далеко выступает над бортом.

Буйки с грузилами нам сбросят на дно. Мы их должны прочно укрепить у носа и кормы затонувшего корабля.

Первым полез на стрелу Михаил. Потом он неуклюже спустился по веревочной лесенке и повис на ней, выжидая набегающую волну. Вот она накрыла его, Мишка разжал руки и сразу ушел на глубину. Это у него ловко получилось. Я решил сделать точно так же.

Но, ползя по этой проклятой стреле в комбинезоне и с увесистыми баллонами за спиной, я понял, почему движения Михаила казались со стороны такими смешными и неуклюжими. Стрела так раскачивалась, что я чувствовал себя на ней котенком, вцепившимся в маятник стенных часов и не знающим теперь, как же спрыгнуть обратно на землю. Дважды чуть не сорвался и не полетел вверх тормашками в бушующие волны. Нелегко было в моем громоздком снаряжении и спускаться по лесенке. Зыбкие веревочные ступеньки предательски ускользали из-под ног.

Зато очутившись в воде, я сразу почувствовал облегчение, как рыба, вернувшаяся в родную стихию. Волна качнула меня и властно потащила вниз. С каждым метром глубины вода становилась прозрачнее и спокойнее.

Я спустился на дно и увидел ожидавшего меня Михаила. Телевизор уже подняли на борт, и дно, где еще вчера мы с таким азартом работали, выглядело теперь пустынным и каким-то заброшенным. Волнение здесь совсем не ощущалось. Только чуть колыхались бурые стебельки водорослей, торчавшие из песка.

Михаил потянул меня за локоть и показал наверх. К нам неторопливо опускался буюк, покачиваясь, словно воздушный шар. Немного правее и выше его виднелся и другой. Михаил направился к нему, а я, поймав первый буй, потащил его к подножию скалы, чтобы

отметить носовую часть корабля.

Установка буя заняла не больше пяти минут. Закончив ее, я огляделся вокруг. До чего мне хотелось покопаться напоследок в песке! Ведь как раз сюда я давно стремился. Не упускать же такую возможность!

Определив примерно место, где Светлане посчастливилось откопать статуэтку, я начал разгребать песок чуть левее. По моим расчетам, насколько запомнилась схема Кратова, каюта погибшего корабля должна была находиться где-то здесь.

Я рылся пять минут, десять, но безрезультатно. Ничего не нащупали мои пальцы, кроме двух обломков скалы. А в запасе оставалось всего десять минут! Если же Михаил уже поднялся на поверхность, меня могут вызвать и раньше.

Обозлившись, я стал так разгребать песок, что вокруг поднялась муть. Видел бы Василий Павлович, как я веду раскопки, ох и отругал бы он меня!

И вдруг левая рука моя нащупала какой-то острый предмет. Чтобы рассмотреть, что это такое, мне пришлось поднести его к самым глазам, такая мутная стала вокруг вода. Это оказался всего-навсего черепок какой-то глиняной чашки!

Как ни странно, даже такая ничтожная находка придала мне новые силы. Значит, я все-таки на правильном пути: чашки могли находиться именно в жилых помещениях, где готовили пищу, обедали, спали. И я ринулся продолжать раскопки.

Но не прошло и минуты, как сигнальный конец, обвязанный вокруг пояса, трижды туго натянулся. Меня вызывали наверх.

Покопаюсь хоть еще несколько минут, подумал я и, ответным подергиванием троса сообщив, что сигнал понял и выполняю его, продолжал рыться в песке.

Что-то круглое попало мне под руку... Словно палка или скорее тонкое бревно. Неужели дерево сохранилось в воде?! Я лихорадочно потянул бревно из песка. Оно оказалось коротким или, может, обломилось?

Разбираться некогда. Сверху решительно потянули за сигнальный конец. Прижимая обеими руками к груди найденный обломок, я покорно начал всплывать, точно ерш, попавший на крючок.

Подтащив меня кверху метров на десять, трос слегка отпустили, чтобы я сделал необходимую по инструкции остановку.

Здесь вода была чище, и я смог наконец рассмотреть свою находку. Это был вовсе не обломок бревна, как мне показалось сначала. Я держал в руках какой-то странный цилиндр длиной почти в полметра, а диаметром сантиметров в десять. Я поскреб его кончиком кинжала.

Цилиндр несомненно был металлический!

«Разум отказывается верить...»

Пока я нырял, море за какие-то полчаса успело разгуляться еще сильнее. Волна едва не ударила меня о борт. Никак не удавалось уцепиться за веревочную лестницу, ведь руки-то у меня были заняты.

К счастью, с палубы заметили это и помогли. Один из матросов влез на стрелу и повис над волнами на веревочной лесенке. Я передал ему цилиндр и, выбрав момент, крепко вцепился в лестницу. Потом стрелу повернули, и нас, словно на подъемном кране, плавно перенесли прямо на палубу.

Еще летя по воздуху, я увидел свирепое лицо Кратова. Надо было первому переходить в наступление. Выхватив из рук матроса найденный цилиндр, я молча подал его оторопевшему профессору.

Он повертел его в руках и вдруг крепко прижал к груди, неистово вскрикнув:

— Циста! Боже мой, это же циста! Я боялся надеяться и вдруг...

Никто ничего не понимал. А старик, не выпуская находки из рук, подскочил ко мне и трижды поцеловал в мокрую щеку.

— Ты понимаешь, что ты нашел? — спросил он. — Это же циста!

Я постарался изобразить на лице изумление и радость, но, наоборот, это мне не очень удалось, потому что Кратов покачал головой и укоризненно сказал:

— Они не знают, что такое циста! — Тут он посмотрел на своих студентов. — И еще собираются стать археологами! Благодарите бога, что сегодня не экзамен. Я бы всем вам недрогнувшей рукой поставил по двойке.

Он поднял цилиндр высоко над головой и торжественно проговорил:

— Запомните раз и навсегда — в таких медных футлярах греки перевозили книги, рукописи. Это бесценная находка, потому что рукописей древних сохранилось ничтожно мало. Мы знаем, что великий Софокл написал сто двадцать три пьесы. А дошло до нас только семь. Понимаете теперь, как дорога для науки каждая вновь найденная древняя рукопись?!

— А вдруг эта циста пуста? — испуганно перебил я его.

Василий Павлович сердито посмотрел на меня, словно я покушался отобрать у него драгоценную находку. Он снова начал вертеть цилиндр в руках.

— Не может быть, — сказал он наконец. — Кто станет так тщательнее запечатывать пустой футляр? В нем несомненно что-то есть. Мы сейчас проверим...

Сопровождаемый чуть ли не всеми, кто был на палубе, Кратов направился в каюту. Я, торопливо стянув с себя маску и гидрокостюм, через несколько минут последовал за ними. Но в каюте Крато-

ва никого не нашел. Оказывается, набралось столько желающих присутствовать при вскрытии цисты, что пришлось всем перебраться в кают-компанию.

Когда я протолкался туда, Василий Павлович, расстелив на столе большой лист бумаги, уже осторожно соскабливал с цисты наросшие за века водоросли. находка, видимо, действительно сильно взволновала его, потому что, против обыкновения, он стал необычайно разговорчив.

— Циста... Я мечтал с самого начала... — не очень связно восклицал он, возясь с цилиндром. — Помните, когда нашли статуэтку, я сразу подумал, что на корабле... плыл человек, интересующийся искусством. У него могут быть и рукописи. Сейчас мы узнаем какие. Сейчас мы посмотрим, что же в ней таится...

Я постепенно проталкивался поближе к столу. Как главного виновника торжества, меня пропускали, хотя и не слишком охотно.

А водоросли постепенно счищались под острым скальпелем. Медный цилиндр почти весь обнажился и тускло сверкал в руках Кратова.

Что в нем? А вдруг мне посчастливилось подарить миру неведомую раньше трагедию Софокла? Или Эсхила? Или какой-нибудь удивительный философский трактат, который перевернет все наши знания о древних греках?!

А если вода проникла в футляр и рукопись превратилась в грязную кашу? Или вовсе растворилась в морской воде, как и тот неведомый корабль, на котором ее везли двадцать веков назад?

— Нет, крышка засмолена хорошо, — сказал Кратов.

Он словно читал мои мысли!

Затаив дыхание, мы следили, как профессор начал потихоньку соскабливать слои за слоем окаменевшую смолу. Потом он попробовал отвернуть крышку. Но она не поддавалась.

— Огня! — скомандовал Кратов. — Налейте в баночку спирту и подожгите. Только осторожно!

Светлана сбегала к нему в каюту и принесла спирт. Его налили на блюдце. Капитан, который, как всегда, успел примоститься рядом с Василием Павловичем, торопливо чиркнул спичкой. Спирт загорелся бледным голубоватым пламенем.

Кратов поднес к огню крышку цисты. Смола зашипела. Еще несколько поворотов, — и крышка начала отвинчиваться!

Кратов отвинтил ее до конца, перевернул футляр, и из него медленно, словно нехотя, выполз толстый сверток. Пергамент! Я никогда не видел его, но сразу догадался.

Профессор дрожащими пальцами начал его разворачивать. В трубочку были скатаны два больших листка.

Кратов осторожно разделил их и положил перед собой на бумагу, тут же с помощью Светланы придавив куском толстого стекла.

По серому листу неровными строчками рассыпались буквы. Неужели можно их расшифровать? Буква наскакивала на букву, видно, писали во время качки.

Но наш старик ни на минуту не растерялся. Он сразу начал читать с листа, словно текст ему был давно знаком:

— «От Аристиппа, сына Мирмека, дорогому другу Ахеймену — привет! Спешу тебя порадовать, дорогой друг и покровитель, славными новостями...» Это может читаться и как известие, и как новость... «Грозная опасность, нависшая над благословенным Боспором, к счастью, миновала. Славный Диофант, присланный к нам сюда мудрым царем Митридатом, да продлят боги его жизнь!, в решительном сражении разбил мятежного раба Савмака...»

Профессор остановился, посмотрел на капитана и перечитал снова, точно не веря самому себе:

— Да, совершенно несомненно: сигма, альфа, ипсилон, мю... Савмак! И Диофант, конечно, тот самый!

Он снова склонился над пергаментом:

— Где я остановился? Да...

«Подлый раб схвачен живым и будет отправлен к ногам великого Митридата. Я надеюсь, что вы подберете ему наказание, какого он заслуживает. Жаль, что его ближайшим помощникам, коварному Бастаку и нечестивцу Аристонику, удалось ускользнуть от нас. Это произошло поистине чудесным образом, чему сам я оказался свидетелем.

Произошло это так. Мы окружили по-следнюю группу мятежников в крепости Тилур, расположенной, как ты помнишь, в дикой и суровой местности на самом берегу Понта Евксинского...»

Василий Павлович остановился и задумчиво произнес, подняв глаза к потолку каюты:

— Тилур... Крепость Тилур на берегу Черного моря. Не знаю такой.

Покачав головой, он продолжал чтение:

«Мятежники спрятали в крепости, где у скифов было древнее святилище, много награбленных ими сокровищ, поэтому ты понимаешь, как стремились все наши воины овладеть ею. Мы взяли крепость после трехдневного штурма. Представь наше удивление, дорогой Ахеймсн: среди убитых и захваченных в плен мы не нашли никого из вожаков мятежа. Не обнаружили мы и сокровищ. Они исчезли совершенно бесследно. Сразу же среди воинов прошел слух, будто защитники крепости в самый последний момент вознесены их проклятыми варварскими богами на небо. Разум отказывается верить таким нелепым суевериям, но согласись со мной, что дело это поистине удивительное. Мы обсудим его подробнее при скорой встрече, а пока я кончаю, ибо начинается буря и писать становится трудно. Твой Аристипп».

В каюте воцарилась тишина, только скрипели переборки и было слышно, как воет на палубе ветер. Все мы, наверное, думали об одном и том же: о событиях далекой старины и о судьбе людей, которые плыли много веков назад вот в такой же шторм по этому морю. Сквозь века до нас словно донесся на миг их живой голос. Донесся — и оборвался на полуслове.

Письмо взволновало меня. Но в то же время мучила легкая глупая обида за то, что вместо драгоценных творений древних философов и поэтов в цисте оказалось самое обыкновенное письмо...

— А тут что-то странное, какие-то стихи, — вывел меня из задумчивости взволнованный голос Кратова.

Он рассматривал уже второй листок пергамента, вынутый из цисты. Только теперь я обратил внимание, что на этом листке строчки действительно были разной длины и не доходили до края. Неужели это и вправду стихи?

— «Муза... ты Расскажи каждому... всем о муже, который, полный отваги, стремясь навстречу... на свидание с другом...» — бормотал Кратов и покачал головой. — Пожалуй, подражание Гомеру, но, надо сказать, весьма слабое. Вероятно, этот Аристипп увлекался поэзией и, попав в бурю, возомнил себя вторым Одиссеем. Стихи, конечно, вряд ли содержат какие-нибудь важные исторические сведения, а художественной ценности совершенно очевидно не представляют. Мы ими займемся на досуге. А зато письмо чрезвычайно интересно. Новые сведения о восстании Савмака! Первое революционное восстание на территории нашей родины, а мы о нем почти ничего не знаем. Если бы нам найти эту крепость и там как следует покопаться! Тилур... Вы случайно не слышали о таком месте? — повернулся он к капитану.

Тот пожал широкими плечами и, словно извиняясь, ответил:

— Нет, профессор. Плаваю по Черному морю вот уже тридцать лет, а такого порта не знаю.

— Да и откуда же вам знать, — спохватился Кратов, — ведь все это было двадцать веков назад! Но и ни в одном из источников такая крепость не упоминается, если мне не изменяет память... Нет, не помню....

Он опять склонился над письмом:

— Посмотрим, может быть, что-нибудь даст текстологический анализ... Автор письма, конечно, грек. Пишет он некоему Ахеймену. Судя по имени, это, вероятно, перс. Скорее всего, какой-нибудь придворный Митридата Евпатора. Диофант — известный полководец, руководивший операциями против Савмака. О нем есть сведения в источниках. А вот весьма любопытны имена сподвижников Савмака. Бастак — имя, пожалуй, скифское, Аристоник несомненно — грек. Значит, к восставшим примкнула и какая-то часть греческого населения. Это важное свидетельство!

Он совсем забыл обо всем окружающем, снова и снова вчитываясь в каждую букву и бормоча:

— Если бы еще хоть какой-нибудь намек... Найти эту крепость...

Капитан осторожно потянул его за локоть:

— Вы меня извините, профессор, но больше задерживаться нельзя. Надо уходить в Керчь, а то якоря не выдержат.

Только тут мы заметили, что свист ветра перешел в глухой, монотонный рев. Я заглянул в иллюминатор. Море стало белым от пенистых гребней, по стеклу катились крупные брызги.

— Да, да, конечно, капитан, — торопливо закивал Кратов. — Пожалуйста, командуйте, вам виднее.

Мы помогли старику перенести цисту и найденные в ней записки к нему в каюту. Там он разложил оба листка перед собой на столике, снова прочно зажав их стеклом, и начал рыться в книгах, которые захватил с собой из Керчи. Поиски загадочной крепости Тилур он не хотел откладывать ни на минуту. Мы не стали ему мешать и вышли на палубу.

Там нельзя было устоять на ногах. Ветер пронизывал до костей, всю палубу то и дело обдавало брызгами. Нос судна то проваливался вниз, то взлетал куда-то под самое небо. Наташа побледнела, жалобно пискнула что-то и, схватившись рукой за горло, убежала. Светлана продержалась немножко дольше, но вскоре сказала:

— Куда это Наташка подевалась? Плохо ей стало, что ли? Пойду поищу ее...

Все убыстряя шаги, она тоже помчалась в каюту и больше не появлялась. Мы покурили, любуясь разбушевавшимся морем, а потом поспешили вниз, где было тепло и сухо.

Павлик с Борисом уселись играть в шахматы, которые у них от качки поминутно падали на пол, а Михаил сказал, что хочет немного вздремнуть, и лег на койку. По-моему, его тоже начинало укачивать, только он старался держаться.

Достав из чемодана у Павлика все книги по античной истории Крыма, я начал искать сведения о восстании Савмака.

Их оказалось поразительно мало. Кратов не преувеличил: все достоверные исторические сведения, дошедшие до нас об этом первом восстании рабов против угнетателей в пределах нашей страны, в сущности, заключались в одной-единственной надписи на триумфальной плите, найденной археологами при раскопках Херсонеса. Эту плиту жители Херсонеса воздвигли в честь полководца Диофанта. Надпись была длинная. Но о Савмаке говорилось совсем мало.

Сначала идут всякие традиционные фразы, восхваляющие Диофанта. Я их пропускаяю:

«...скифы, с Савмаком во главе, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор; последний, избежав опасно-

сти, сел на отправленное за ним (херсонесскими) гражданами судно и, прибыв в (Херсонес), призвал на помощь граждан. (Затем), имея ревностного сподвижника в лице пославшего его царя Митридата Евпатора, Диофант в начале весны (следующего года) прибыл с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов на трех судах, двинулся из нашего города, овладел Феодосией и Пантикапеем, покарал виновников восстания; Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство (то есть в Понт) и снова приобрел власть (над Боспором) для царя Митридата Евпатора».

Вот и все, что нам известно о восстании Савмака. Кроме того, как я узнал из книг, археологам удалось найти две мелкие серебряные монеты тех времен. Надписи на них полустерлись, сохранились только четыре греческие буквы: сигма, альфа, ипсилон, мю. По-русски они читаются, как начало имени вождя восставших рабов: САВМ... Но действительно ли эти монеты отчеканены от его имени, пока восставшие держали власть в своих руках, — ученые спорят об этом.

А восстание, видно, было значительным. Целый год рабы владели Боспором. Против них собрали большую армию.

Если бы узнать обо всем этом побольше! А мы не знаем почти ничего. Как выглядел Савмак? Где он родился, как провел свою юность? Каким страшным казням предал его царь Митридат Евпатор, прославившийся даже в те времена своей непомерной жестокостью. Ведь он, пробиваясь к власти, убил родного брата и заточил в темницу собственную мать. Митридат не задумываясь убивал своих детей, только заподозрив их в стремлении к власти.

Можно представить, как расправился он с рабом, осмелившимся восстать против империи, которую сорок лет не мог победить Рим!

Теперь я начинал понимать радость Василия Павловича. Раз мы так мало знаем о восстании Савмака, каждый новый документ бесценен для науки. Если бы еще разузнать, где же все-таки находилась эта крепость, ставшая последним оплотом восставших! Вдруг там сохранились какие-нибудь рукописи, оружие... Хотя каратели, конечно, все перерыли в поисках спрятанных сокровищ, об этом же говорится в письме.

Но куда делись последние защитники крепости? Не улетели же, в самом деле, на небо! Чертовщина какая-то! И вряд ли мы когда-нибудь узнаем об их судьбе. Попробуй теперь разобраться, через двадцать веков...

За ужином капитан спросил Кратова:

— Ну как, профессор, наверное, вы уже порылись в книгах? Не нашли, где же была эта самая крепость... простите, забыл ее название.

— Тилур. Представьте себе, нет. Никаких упоминаний. Конечно, источников здесь у меня под рукой мало, но и вспомнить, главное, я ничего похожего не могу. Судя по названию, это какое-то скифское укрепление. А может быть, его построили тавры. Они обычно обитали в прибрежных районах и частенько промышляли пиратством. А вот стишки я разобрал. Они действительно, к сожалению, дрянные. — С этими словами он вынул из кармана листочек бумаги и, надев очки, начал читать:

Муза, расскажи всем об отважном муже,
Который, к другу стремясь, вышел в разгневанный океан.
Много испытаний выпало на его долю,
Но он их все перенес, богами хранимый.
Только покинули гавань, где мы одержали победу,
Как быстрейший Зефир подхватил наш корабль.
Бог Посейдон, в руки трезубец схватив, отправил в погоню
Самых различных ветров и тучами землю и море
Густо окутал. Глубокая ночь опустилась с неба.
Утром Зефир передал нас в лапы Борея седого.
Лучше б в бою мне погибнуть, чем гнев испытать Посейдона.
Ночью и днем нас бросали громадные волны,
Чтобы на третью ночь Евру жестокому
стал наш корабль игрушкой!

Василий Павлович на миг прервал чтение, чтобы пояснить капитану:

— Тут все образы заимствованы из мифологии, Трофим Данилович. Посейдона, бога морей, вы, конечно, знаете. Борей — это север-

ный ветер, Зефир — западный, Евр — восточный, а Нот — южный.

— Я уже понял, не беспокойтесь, профессор, — успокоил его капитан. — Мы и сейчас жестокий норд-ост, который частенько свирепствует у этих берегов, называем борой.

— Совершенно верно, — кивнул Кратов и продолжал чтение:

Шесть носило нас дней по гороподобным волнам,
 Так же, как северный ветер осенний гоняет по равнине
 Колчючие стебли травы, сцепившиеся друг с другом.
 То наш корабль Нот бросал в лапы Борею,
 То его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру.
 Только к исходу шестого тяжелого дня море немного утихло.
 Музу благу призвав, поспешим описать злключения наши...

Описание бури в подражание «Одиссее», — сказал Кратов, снимая очки. — Но весьма слабо, небрежно. До Гомера нашему стихотворцу-мореплавателю далеко, как до звезд. Историю древнегреческой литературы подобные вирши, конечно, не украсят...

— Разрешите? — Капитан взял листочек из рук Кратова и перечитал вслух: — *«То наш корабль Нот бросал в лапы Борею, то его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру»*. Черт его знает, тарабарщина какая-то!..

— Стихи, — пожав плечами, снисходительно сказал профессор. — Так называемые «поэтические красоты». Чем мараить пергамент такими стишками, лучше бы этот Аристипп написал свое письмо по-подробнее и обстоятельней...

По следам ветра

В Керчи мы появились настоящими триумфаторами. Весть о наших находках взбудоражила город. Здесь всегда работает несколько археологических экспедиции, раскапывая древний Пантикапей и окрестные боспорские городки и поселки. Так что нашего старика буквально с утра до вечера атаковали старые и молодые археологи, желавшие узнать все подробности поисков. Во дворе маленькой хатки на склоне горы Митридат, где располагалась база нашей экспедиции, теперь вечно толпился народ.

В конце концов нас замучили бесконечными расспросами, и Кратов решил сделать доклад в городском саду. Народу собралось много. Возле летней эстрады выставили найденные на дне амфоры. Светлана нарисовала большую цветную схему раскопа с примерными контурами корабля. Все это выглядело весьма внушительно.

К своему удивлению, среди слушателей я заметил и дядюшку. Он все время делал какие-то пометки в толстом блокноте.

По свойственной ему педантичности, Кратов начал свой доклад с нескольких осторожных фраз: речь-де идет только о самых предва-

рительных результатах, которые, несомненно, потребуют длительного изучения и дополнений, а какие-либо итоги подводить, конечно, совершенно преждевременно. Но потом он разошелся и рассказывал очень живо и интересно. Даже мы, все это сами пережившие, заслушались.

Когда он кончил, посыпалось много вопросов. И потом его еще долго не отпускали, окружив плотным кольцом, любопытные. Но вот и они постепенно разошлись. И тут к Василию Павловичу подошел... Кто бы вы думали? Мой дядя!

— Простите, профессор, не могли бы вы мне дать переписать здесь, при вас, те стихи, что вы отыскали? — сказал он, прикладывая руку к козырьку своей морской фуражки.

Просьба, видно, была совершенно неожиданной не только для меня, но и для Кратова, потому что он спросил:

— А вы что, поэт?

— Нет, я, собственно, метеоролог, — отвечал дядя.

— Зачем же вам эти стихи? — удивился Кратов.

Дядя Илья помялся, потом туманно ответил:

— Понимаете, есть у меня одна идейка, — он пошевелил в воздухе толстыми, короткими пальцами. — Но, как вы только что прекрасно выразились, идея эта весьма еще расплывчата и требует уточнения. Так что мне, с вашего разрешения, не хотелось бы пока распространяться более обстоятельно...

— Пожалуйста, пожалуйста, как вам угодно! — засуетился Кратов. — Садитесь вот сюда, за стол, и перепишите. Я могу вам предложить и фотокопию греческого оригинала с условием, конечно, что вы нигде не будете ее пока публиковать.

— Конечно, профессор, очень вам благодарен и даю слово...

Хотел бы я знать, на что ему эта фотокопия — ведь он не знает греческого языка!

Дядюшка сел за стол и, пока мы собирали выставочные пожитки, успел переписать все стихотворение.

Возвращая его Кратову и снова рассыпаясь в благодарностях, он неожиданно задал еще один, по-моему, довольно нелепый вопрос:

— А вы не знаете, когда погиб этот корабль? В какое время года?

Кратов удивленно посмотрел на него, подумал и ответил:

— Как свидетельствует херсонесская стела в честь Диофанта, восстание Савмака было разгромлено весной, видимо, сто шестого года до нашей эры. Тогда же, судя по письму, отправился в плавание и этот корабль.

— Весной? Отлично! А в каком именно месяце?

На подобный вопрос Василий Павлович мог, конечно, только пожалеть плечами. Да и какое это может иметь значение, тем более для моего дяди — метеоролога?!

К счастью, он больше не задавал никаких вопросов и оставил

Кратова в покое. А меня — в полнейшем недоумении: зачем понадобились ему и эти стихи и время гибели корабля? Что он, водолазом собирается стать на старости лет? Да ни в какую экспедицию его тебя Капа и не пустит...

Целые дни мы занимались обработкой своих находок. Это оказалось весьма кропотливой работой. Каждый осколок амфоры следовало подробно описать, исследовать состав глины и краски. «В квадрате номер шестнадцать обнаружен бронзовый гвоздик без шляпки», — торжественно записывал я в дневник раскопок, сидя под навесом во дворе нашей полевой базы.

В полдень древности убрали со стола, дежурные притаскивали из кухни громадное ведро крошки и целый таз жареных бычков, и начинался обед. Завершали мы его обычно арбузами: по половинке на брата. А потом снова до вечера корпели над черепками и гвоздиками.

Особенно тщательному анализу подвергались целые амфоры. Их не только фотографировали, зарисовывали, описывали. Надо было, по возможности, разузнать, что же в них везли. В одной из амфор чудом сохранилось несколько тонких косточек. В них хранили рыбу, вероятно, селедку, которой и тогда уже славилась Керчь — Пантикапей.

В торжественной обстановке была наконец открыта и запечатанная амфора, не дававшая нам покою.

Когда из нее вытащили засмоленную пробку, раздались негромкие свист и шипение, словно и впрямь вырвался на свободу какой-то таинственный дух, как пугала нас Наташа.

Василий Павлович осторожно наклонил амфору и вылил из нее в мензурку немного темной, густой жидкости с довольно резким, но приятным запахом.

— Да это же вино! — воскликнул, принюхиваясь, профессор. — Несомненно, виноградное вино.

— Подумать только! — охнула Наташа. — И ему две тысячи лет!

У нас загорелись глаза при мысли попробовать белого вина. Ведь, говорят, оно с годами становится лучше. А такого старого вина не найдется ни в одном погребе на свете.

Но, конечно, из этой затеи ничего не вышло. Старик так замахал на нас руками, что мы не стали больше и заикаться о своем желании. Только Павлик уныло сказал:

— Да ведь это же для науки, Василий Павлович!

— Ничего, ничего, науке хватит и лабораторного анализа. Ишь, какие подвижники выпекались! Мученики науки!

Так он и не дал нам попробовать самого старого вина на земле. А на следующий день принес какую-то бумажку и, размахивая ею, сказал:

— Вот вам анализ этого винца. Оно превратилось в чистейший

уксус. Представляю, какие бы вы скорчили рожи, если бы хлебнули его!

Дня через два после лекции я вечером снова наведалься к своим родичам. Тетя Капа обрадовалась и сразу захлопотала на кухне.

— А где же дядя Илья? — полюбопытствовал я. — Разве он и вечерами работает?

Собственно, из-за него-то я и пришел. Надо же разузнать, зачем понадобились ему стихи погибшего капитана.

Тетя Капа таинственно кивнула на плотно закрытую дверь в соседнюю комнату.

— Дома, — прошептала она. — Только никого видеть не хочет. Обложился бумагами, книжками какими-то и сидит третий вечер.

Наверное, его загадочные труды как-то связаны с докладом Кратова. Но как, с какой стороны?

Беспокоить дядю я не решился, но перед самым моим уходом он вдруг выглянул из двери и спросил:

— Ты еще здесь? Сколько узлов делали греческие корабли?

— Узлов?

— Ну да. Ты что, не знаешь морской меры скорости?

— Знаю... Но греки не мерили скорость в узлах.

— Неважно! — рассердился он. — Какая у них была скорость?

Я что-то промычал.

— Не знаешь? Ну конечно! Чему вас только учат! Ладно, иди, завтра сам позвоню твоему профессору.

На что ему теперь понадобилось знать скорость греческих кораблей? Да ее никто не знает, не только я. Ведь неизвестно еще толком, как эти корабли были устроены.

Дядюшка интриговал меня все больше и больше. Но то, что произошло еще через два дня, я никак не мог от него ожидать.

В этот день, вскоре после обеда, дядя неожиданно появился у нас на базе. Меня прежде всего поразил его торжественный вид: черный костюм, черный галстук, ботинки ослепительно начищены, словно на парад собрался. Под мышкой он держал большой круглый футляр, тоже черный, вроде тех, в каких архитекторы носят проекты и разные чертежи.

Не обращая на нас внимания, дядя направился прямо к профессору и поздоровался с ним, как со старым, хорошим знакомым.

— Прошу извинить, что отрываю вас от трудов, — сказал он важно, — но дело, не терпящее отлагательств и, надеюсь, существенное для науки.

— Конечно, прошу вас, уважаемый Илья Александрович, проходите. Одну минуточку, я только надену галстук. А то мы тут по-походному, извините, — засуетился Кратов.

Он ушел в свою комнату. А мой дядя между тем неторопливо подошел к столу, на котором мы сортировали черепки, и по-хозяйски

сказал:

— Молодые люди, освободите-ка нам один уголок. Мне здесь надо карты разложить.

Его просьбу послушно выполнили. Он вынул из своего черного футляра большой сверток бумаг и разложил на столе вычерченную от руки карту той части Черного моря, что прилегает к Керченскому проливу. Уголки ее, чтобы не загибались, дядя аккуратно приколол кнопками.

— Какая превосходная карта! — воскликнул подошедший Кратов. — Ваша работа, Илья Александрович?

— Моя.

— Вы настоящий художник!..

Было видно, что и наш начальник совершенно не понимает, что означает появление метеоролога с этой картой. А дядя, как назло, молчал, словно приглашая как следует полюбоваться своим произведением.

Кратов с недоумением склонился над картой. Несколько минут он рассматривал ее, потом спросил:

— Скажите, Илья Александрович, а это что за линия?

— Эта? Вы сразу схватили суть, профессор! — радостным тоном ответил мой великолепный дядюшка. — Это я проложил путь вашего корабля.

— Нашего?

— Ну, древнегреческого, я оговорился, простите.

Тут все мы немедленно окружили стол, заглядывая через плечи Василия Павловича.

Через всю карту от места, где крестик обозначал место гибели корабля возле банки Марии Магдалины, тянулась извилистая пунктирная линия к берегам Крыма. Дядюшка нанес путь затонувшего корабля так уверенно, точно сам был его капитаном две тысячи лет назад!

Мы все, конечно, совершенно опешили. Кратов переводил глаза то на карту, то на довольное дядино лицо, явно не зная, что сказать. Наконец он неуверенно спросил:

— Но позвольте... Откуда же вы все это взяли? У вас есть какие-нибудь источники?

— Есть, — невозмутимо ответил дядя и, развернув одну из принесенных с собою бумаг, громко, точно со сцены, прочел: — «То наш корабль Нот бросал в лапы Борею, то его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру...»

Он остановился, как актер, привычно ожидающий аплодисментов. Но мы совершенно ничего не понимали. Это были стихи, найденные в цисте. Но какая возможна связь между ними и путем корабля на карте?

— Не улавливаете? — спросил Кратова дядюшка.

— Нет, — честно сознался тот.

— Да ведь в этих словах ключ! — воскликнул метеоролог, потрясая над головой листком со стихами. — Это же точное описание циклона!

— Циклона?

— Ну конечно же! Смотрите: «То наш корабль Нот бросал в лапы Борею, то его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру». Направление ветров меняется по часовой стрелке!

— Постояйте, постояйте! — пробормотал Кратов. — Я, кажется, начинаю...

— Понимаете? — обрадовался дядя Илья. — Это же совершенно очевидно. Перечитайте-ка стихи: «Только покинули гавань, где мы одержали победу, как быстрейный Зефир подхватил наш корабль...» Западный ветер для них попутный, так что он отзывается о нем хорошо: «быстрейный Зефир подхватил». А что происходит потом? «Утром Зефир передал нас в лапы Борея седого...» Западный ветер сменился северным, потом восточным: «Чтобы на третью ночь Евру жестокому стал наш корабль игрушкой...»

Дядя довольно рассмеялся, потирая руки, и добавил:

— Не знаю, конечно, каким он был поэтом, этот ваш капитан, не берусь судить, но метеонаблюдатель из него получился бы неплохой. Совершенно точно передал смену ветров по ходу часовой стрелки, типичную для южной части циклона, перемещающегося с запада на восток.

Теперь мы смотрели на дядю Илью точно на кудесника, показавшего нам потрясающий фокус. Вы только подумайте: по каким-то слабым стихам восстановить след ветра, промчавшегося над морем двадцать веков назад! Разве это не чудо?

— Ваше открытие поразительно, дорогой Илья Александрович! — сказал Кратов, крепко пожимая ему руку. — Но простите мою назойливость, я все-таки не понимаю, как на основе его можно восстановить маршрут корабля. Ведь вы установили только общее направление ветров, которые в это время менялись над морем...

— Расчеты, расчеты, дорогой профессор! — перебил его дядя Илья, потрясая пачкой листков, сплошь исписанных какими-то формулами и цифрами. — Математика — наука точная. Ведь каждая смена ветров отражалась на курсе парусного корабля. Западный ветер судно подгонял, восточный — мешал ему. Вы мне сказали, профессор, что, по словам Геродота, за день торговое судно проходило почти семьдесят тысяч сажен, — помните, я вам звонил? Но это в тихую погоду. А для шторма я рассчитал ее по дням в зависимости от господствующего ветра. А пути весенних циклонов мы знаем. Так что все это сделано математически точно. Из Керчи, или, по-вашему, из Пантикапея, этот корабль выйти не мог: слишком близкое расстояние до места гибели получается. Да и вообще при сильном ци-

клоне ему бы не выбраться из Керченского пролива, непременно бы напоролся на мели у косы Тузлы. Из Херсонеса это судно тоже не могло плыть: получается, наоборот, слишком большой путь, чтобы в такой шторм его преодолеть за шесть дней. К тому же при сильном западном ветре судно непременно бы разбило у мыса Меганом, возле Судака, его и сейчас в штормовую погоду побаиваются капитаны. Остается одно...

Мы снова все, как по команде, склонились над картой. Пунктирная линия, обозначавшая путь затонувшего корабля, начиналась от Феодосии.

— Феодосия... — задумчиво повторил Кратов. — Пожалуй, вы правы. Здесь проходила граница Боспорского царства. Дальше до самого Херсонеса побережье занимали тавры, а степные районы — скифы. Феодосия... А рядом Карадаг. Не о нем ли сказано в письме: «...в дикой и суровой местности на самом берегу Понта Евксинского»?

Неужели мы нашли место, где пряталась эта загадочная крепость Тилур, последнее убежище восставших рабов?! И как необычно нашли: по стихам, с помощью моего дяди, метеоролога!

А он с видом человека, полностью выполнившего свой долг, неспешно свертывал карту и складывал свои бумажки с расчетами. Потом убрал все в футляр и протянул его Кратову:

— Прощу вас, профессор, примите как мой посильный вклад в археологию...

Ай да дядя!

Карадаг

На следующий же день мы выехали в Карадаг.

Василий Павлович раздобыл в одной из экспедиций грузовик — фургон с брезентовым верхом. Плыть морем в Феодосию на нашем катере он не разрешил.

— Постараемся найти какое-нибудь суденышко на Карадагской биологической станции, — обнадежил он нас.

Карадаг нам всем сразу понравился. Дикие, крутые скалы, и к одной из них, повиснув над самым морем, прилепилось красивое белое здание. Это и была биостанция.

Пока мы добрались туда, наступил уже вечер. Нам отвели местечко на склоне горы, за огородами, и мы поспешили разбить палатку, разжечь костер и приготовить ужин.

Рано утром Василий Павлович отправился на биостанцию и часа через полтора вернулся с хорошими вестями. На целую неделю нам давали изящный белый кораблик, которым мы еще вечером залюбовались с горы.

Он оказался рыбацким тралботом, переделанным специально для

недалеких экспедиционных плаваний. Все на нем было крошечное: кубрик с четырьмя койками, капитанский мостик высотой ниже человеческого роста и миниатюрный камбуз, величиной с платяной шкаф. Команда состояла всего из трех молодых загорелых ребят — капитана, моториста и матроса. Звали их Сергей, Женя и Валя.

Валя отдал концы, Сергей, подтянувшись на руках, вскочил на мостик и стал к штурвалу, Женя нырнул в люк, запустил мотор, и через пять минут мы уже гордо выходили в море.

Наш капитан уверенно вел судно у самого берега. И с каждой минутой перед нами открывались картины, одна великолепнее другой.

Я вспомнил замечательное описание Карадага в повести Паустовского «Черное море» и теперь понял, почему он взял эпитафией к нему слова капитана Кука: «Красота этого зрелища наполняла душу восхищением и ужасом».

Красноватые мрачные скалы вздымались высоко над нашими головами и, казалось, грозили сорваться и тяжело рухнуть на палубу. Одна скала вообще откололась от горы и повисла над морем, удерживаясь лишь каким-то чудом в неустойчивом равновесии. Другая поднималась из воды, словно гигант, мрачно закутавшийся до самых бровей.

— Это «Иван Разбойник», — сказал Женя, до пояса высунувшийся из люка и любовавшийся вместе с нами, хотя и плывал здесь много раз.

Судно обогнуло скалу, и мы разом ахнули. Прямо из моря, метрах в восьмидесяти от берега, вздымалась исполинская каменная арка.

— Золотые ворота Карадага! — крикнул с мостика Сергей и направил наше судно прямо к арке.

Арка приближалась и все вырастала, вырастала... Пришлось заирать голову, чтобы осмотреть ее всю, от источенных морем боков до остроконечной вершины. И ворота арки все раздвигались, словно гостеприимно распахиваясь перед нами. Тралбот свободно прошел сквозь них, и между скалами и бортами еще оставалось порядочное пространство.

— Эге-гей! — задорно крикнула Светлана.

«Ге-ге-ге...» — глухо ответило ей эхо, и сотни вспугнутых чаек с криком закружились под темными сводами.

Мы чувствовали себя аргонавтами, открывающими неведомые страны. А что: ведь они тоже проплывали мимо этих диких берегов, отправившись в Колхиду за золотым руном. В те времена плывали только вдоль берега, чтобы в случае шторма поскорее укрыться в ближайшей бухте. Они видели эти скалы.

И легендарный Одиссей, может быть, проплывал здесь. Причудливые скалы казались ему окаменевшими товарищами Полифема...

В берег, прямо против Золотых ворот, вдавалась небольшая бух-

точка. Мы отметили ее на карте и записали название: бухта Пограничная. Здесь непременно стоило пошарить под водой! Место уж больно подходящее для древней крепости. С берега к бухточке добраться почти невозможно. Одно небольшое укрепление на вершине хребта сделало бы крепость неприступной.

А тралбот бойко бежал дальше, и впереди открывались всё новые и новые чудеса Карадага.

Михаил, уже бывавший здесь, все порывался рассказать, что же покажется за следующим поворотом. Но мы хором останавливали его:

— Погоди!

— Закрой рот! Сами увидим...

Мыс Лев (по-моему, больше похожий на моржа) отделял Пограничную бухту от бухты Львиной. В конце ее высилась скала Маяк, каменным столбом взметнувшаяся к небу.

Тут мы подметили наверху в скалах темное пятно, словно узкую щель, уходившую куда-то в толщу горы.

— Это и есть Мышиная щель, — объяснили нам моряки. — Ее так прозвали потому, что летучих мышей там пропасть!

— Фу, какая мерзость! — тотчас же воскликнула Наташа и опасливо спросила: — А днем они не летают?

— Нет, днем они спят.

— А ночью я сама туда не полезу, — успокоилась Наташка.

Мы миновали Голубую бухту и грот Шайтан. За ним открылся Ревущий грот, в котором и вправду вода даже в этот тихий и солнечный день ворчала как-то грозно и неприветливо.

За Стрижовой скалой прятался маленький заливчик, название которого нам страшно понравилось и всех насмешило: «бухта Барахты». Уже она осталась далеко позади, а наши девчата еще долго дурчились, восклицая наперебой:

— Откуда ты? — С бухты Барахты!

— Наташка, ты всегда все делаешь с бухты-барахты!

— А вот скала Слон, — сказал Валя и виновато добавил: — Только у него недавно в шторм часть головы, как раз с хоботом, отвалилась, так что он теперь не очень похож...

Скала и в самом деле не имела ни малейшего сходства со слоном, но Светлана, чтобы не огорчать наших славных моряков, милостиво сказала:

— Нет, что-то такое слоновое есть, несомненно...

И они просияли, потому что показывали нам все красоты Карадага с такой гордостью, словно сами расставили здесь все эти скалы, выбирая для каждой местечко поживописней.

Мы обогнули скалу Парус и вошли в Сердоликовую бухту. Здесь уже чувствовалась близость Планерского, на пляже было много загорающих.

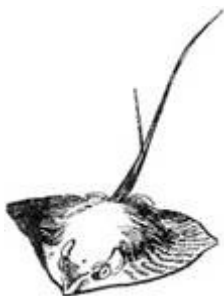
Это подтвердил и наш капитан:

— Дальше бухт нет, это последняя. А вон там, за мысом Мальчин, уже Коктебельская бухта.

— Ну что ж, — сказал Кратов, — давайте отсюда и начнем.

— Есть! — браво ответил Сергей и скомандовал, как заправский капитан: — Стоп машина! Отдать якорь!

Женя, как игрушечный чертик в коробке, исчез в своем люке, а Володя торопливо побежал на нос. Мерный рокот мотора стих, и в наступившей гулкой тишине мы услышали, как с веселым плеском упал в воду якорь. Начинаясь новый этап наших поисков и приключений.

Долг платежом красен

Новый этап наших поисков опять начался с неудач. За два дня мы обшарили почти все дно Сердоликовой бухты до глубины в двадцать метров — и не нашли ничего, никаких следов древних поселений.

Единственным утешением служило то, что нырять здесь оказалось необычайно приятно. Дно бухты покрыто гравием и галькой, а берега скалистые. Поэтому вода всегда кристально чистая, точно в роднике. Нырять даже боязно. Стоишь на трапе, и каждый камешек виден далеко внизу, на глубине пятнадцати метров; начинает невольно казаться, что между дном и тобою нет никакой преграды и ты сейчас сорвешься и полетишь на эти камни с высоты пятиэтажного дома.

При каждом погружении мы встречали множество рыбешек. Больше всего попадалось зеленушек. Это небольшие, но очень красиво раскрашенные рыбки — ярко-зеленые или синие, иногда с красными и желтыми пятнами, придающими им, что называется, тропический вид. Наверное, их предки когда-нибудь забрели в Черное море из далеких теплых океанов, потому что, как рассказали нам наши моряки, узнавшие, в свою очередь, это от ученых-биологов, зеленушки не переносят холодной воды и на зиму впадают в спячку, забиваясь в расщелины скал и больших камней.

Другой интересной особенностью этих рыбешек являются очень острые и крепкие зубы, каких нет ни у кого из других обитателей Черного моря. Своими зубами зеленушки свободно разгрызают даже прочные раковины. За таким занятием мы их обычно и заставляли: пестрыми стайками плавая у самого дна, они сгрызали с камней наростшие ракушки. При нашем появлении они совершенно не пугались и даже не прерывали своего занятия.

На песчаных участках дна кормились барабульки, или, как их еще называют, султанки. У этих рыбок, тоже небольших, смешная, сильно скошенная голова, похожая на нож бульдозера. Султанки и действуют, как маленькие бульдозеры, ловко разрывая головами песок в поисках спрятавшихся рачков и крабов. Мы научились издали узнавать места кормления барабулек по легкой мути, которую они поднимали своими «подкопами».

Встречались нередко и более крупные рыбы. Светлана однажды нырнула прямо в большую стаю резвящейся кефали, и, по ее уверениям, каждая рыбина была чуть ли не в полметра величиною. Дважды я видел акул. Но они держались вдалеке и поэтому казались совсем маленькими и не вызывали никакой тревоги.

Мне привелось видеть, как охотится морской ерш-скорпена. Уродливый, зловещий, какого-то грязновато-бурого цвета, весь оцетинившийся колючими плавниками, он неподвижно лежал на дне в тени камней, почти сливаясь с рыжеватыми кустиками цистозеры. Он замер, как убитый, жили только его тупые, злые глаза. Мимо проплывала барабулька. Мгновенный бросок — и она исчезла в прожорливой пасти скорпены. А эта гадина, которую недаром рыбаки называют помесью жабы с драконом, снова замерла в засаде, поджидая новую добычу.

У меня руки зачесались схватить ерша за хвост и вышвырнуть на берег, чтобы не портил подводного царства. В кипящей ухе он оказался бы куда приятнее, хотя бы на вкус. Но я поостерегся его трогать, вспомнив рассказы рыбаков о ядовитых колючках. Они у него в спинном плавнике. Голыми руками его не возьмешь, а остроги или ружья у меня, увы, не было.

Гоняться за рыбами было некогда. Не для того мы сюда приехали. Наступала осень, времени оставалось мало. Решили перебираться в соседнюю бухту Барахты.

Для первого погружения нам с Наташей выпало место у подножия скалы Слон («Потерявший хобот», — острили мы). Рядом работали Светлана и Михаил.

Я потому останавливаюсь на таких чисто технических деталях, что этот день едва не стал последним в моей жизни...

Подплыв к скале, я начал опускаться, придерживаясь за водоросли. Солнечные лучи пронизывали воду до самого дна и переливались на крупной гальке. Местами среди камней виднелся чистый

песок. Он был почти белый и шелковистый на ощупь, когда я, мягко «приземлившись», набрал его полные горсти.

На обломках камней, валявшихся у подножия скалы, покачивались длинные алые ленточки каких-то водорослей. Я никогда не видел таких раньше. Глубина здесь не превышала пяти метров, поэтому их яркий, сочный цвет почти не тускнел от поглощения света водой.

Наташа показала мне большой палец, выражая свой восторг, поплыла дальше, в сторону открытого моря. Так мы договорились еще на берегу. Искать среди камней она боялась. А я начал методически, метр за метром, осматривать дно у подножия Слона.

Прошло уже минут пятнадцать, как вдруг серое облачко мути, поднявшееся немножко левее над песком, привлекло мое внимание. Наверное, там пасутся барабульки. Но, сколько я ни всматривался, ни одной рыбешки не видел. А притаиться им негде, кругом чистый белый песок.

Это меня заинтересовало, и я подплыл ближе. Мне показалось, будто на светлом фоне песчаного дна проступают слабые контуры какого-то непонятного предмета. Там словно что-то пряталось под слоем песка.

Сердце у меня радостно дрогнуло. Неужели мне опять повезло и я первый наткнулся на след древнего поселения? Судя по очертаниям, в песке пряталась мраморная плита. Может быть, с надписью...

Я протянул руку, чтобы смахнуть с нее песок... и в тот же миг получил страшный удар, словно в ладонь вонзилась сразу сотня острейших кинжалов. Какое-то плоское, точно блин, гибкое тело взвилось перед моим лицом, подняв облако мути. Черные и белые полосы замелькали в глазах. Я упал лицом в песок и больше ничего не помнил...

Первое, что я увидел, открыв глаза, было высокое синее небо и вонзившееся в него острие мерно качающейся мачты. Я лежал на палубе нашего тралбота, на мокром матраце. Рядом сидела Светлана и читала книжку. Заметив, что я очнулся, она торопливо наклонилась ко мне и сказала:

— Лежи, лежи. Только не ворочайся! Хочешь пить?

Я хотел привстать, но тут же почувствовал такую боль в правой руке, что невольно застонал. Рука стала тяжелой, точно каменная, и совсем не повиновалась мне.

С мостика, стоя у штурвала, на нас смотрел Сергей. Он что-то крикнул в переговорную трубку. Через минуту на палубе собралась вокруг меня вся наша экспедиция во главе с Кратовым.

— Что случилось? — спросил я, еле разжимая спекшиеся губы.

— Тебя ранил хвосток! — сделав большие глаза, выпалила Наташа. — Ужас!

Я ничего не понимал. Только смутно припоминалось мелькнув-

шее под водой плоское тело и пестрота черно-белых полос.

— Расскажите толком, — спросил я.

— Первой тебя увидела возвращавшаяся к берегу Наташа, — сказал Кратов, — ты лежал на песке...

— Я так испугалась, что закричала под водой, представляешь? — торопливо встала девушка. — Воды наглоталась, жуть!

— Она выскочила на поверхность, и мы сразу поняли, что с тобой что-то стряслось, — продолжал профессор. — К тому же ты не ответил на сигнал выхода. Правда, это с тобой частенько бывает. — Тут он строго посмотрел на меня поверх очков. — Аристов, к счастью еще не успевший снять акваланг, сразу бросился на выручку. Вдвоем с Наташей они тебя и вытащили.

Я посмотрел на Михаила и, постаравшись улыбнуться неповивающимися губами, сказал:

— Значит, мы теперь с тобой квиты? Спасибо.

— Не стоит, — небрежно ответил он. — Долг платежом красен. Хорошо, что мундштука не выронил. А то бы я так и остался твоим должником.

— А что же все-таки со мной было? — спросил я.

— Пожалуйста, помолчи, а то тебе опять станет плохо, — строго остановила меня Светлана. Она, видно, всерьез решила играть роль сестры милосердия.

— Судя по ране, ты наткнулся на морского кота-хвостокола, — ответил Кратов.

Я вспомнил, с каким отвращением выбрасывали матросы за борт «Алмаза» этих странных, уродливых рыб, попавшихся нам тогда в трал. Значит, вот такая плоская гадина и притаилась в песке? А я принял ее за драгоценную мраморную плиту!

Мне снова захотелось посмотреть на раненую руку. Но приподняться мне не дали, да я и сам бы не смог, потому что каждое движение причиняло нестерпимую боль.

— Куда же мы плывем? — спросил я, стискивая зубы, чтобы не застонать.

— В Планерское, в больницу, — торопливо ответила Светлана. — Успокойся, уже приехали.

В самом деле, мотор заглох, и Валя пробежал на нос с длинным багром в руках. Под килем громко закрипела галька.

Ребята подхватили мой матрац на руки и, толкая друг друга, потащили к сходням. Когда меня приподняли, переваливая через борт, я наконец смог увидеть свою руку. Она вся посинела и сильно распухла. А из вздувшейся, как лепешка, ладони торчал глубоко вонзившийся твердый шип.

Не буду рассказывать, как его вырезали из ладони в больнице одного из санаториев. Операция получилась весьма мучительной и долгой.

Вырезанный шип хирург подарил мне на память, хотя и так я вряд ли когда забуду об этом приключении. Немного опомнившись после операции, я рассмотрел его хорошенько. Это была небольшая, но очень острая костяная игла, к тому же зазубренная, точно наконецник гаргуна. Вытащить ее самому из раны совершенно невозможно. Даже удивительно, что такое хитрое оружие создала природа, а не человеческие руки.

У морского кота, как мне рассказали потом научные сотрудники биостанции, бывает даже не одна, а две или три таких иглы. Они спрятаны у него в основании хвоста. Хвостокон вонзает их в жертву со страшной силой. Но и этого мало: каждый шип еще покрыт ядовитой слизью, которая долго не дает ране заживать.

А напороться на эту гадину легко. Брюхо у хвостокон темное, а спина желтовато-серая, вот почему пестрые полосы мелькали у меня в глазах. Когда он зарывается в песок, подстерегая добычу, заметить его очень трудно, я убедился в этом на собственной шкуре.

Придется проваляться недели две, решили врачи. Это меня совсем доконало. Выбыть из строя в такое напряженное время! Но опухоль опадала очень медленно, рука еле двигалась, точно парализованная, и мне волей-неволей приходилось смириться.

Лежать одному в пустой больничной палате, когда за окном сияет солнце и шумит море, невыносимо тоскливо и скучно. Хорошо, хоть друзья не забывали меня. Они навевались почти каждый вечер, приносили книги и рассказывали о ходе подводных поисков. А я им показывал шип хвостокон.

— Во всяком случае, у тебя есть одно утешение, — с интересом рассматривая его, сказал Василий Павлович: — ты ранен историческим, даже, я бы сказал, легендарным оружием. Как свидетельствует Гомер, хитроумный Улисс-Одиссей тоже был поражен дротиком с наконецником из такого же шипа.

Один бесконечный день тянулся за другим, а новости, которые приносили друзья, оставались неутешительными. Уже обследовали всю бухту Барахты и перебрались в следующую, Голубую, а толку никакого. Нигде ни малейших следов поселений. Видимо, в те далекие времена места эти были совсем дики и необитаемы.

Меня тяготила бездна пустого времени. Чем же ее заполнить? Читал все, что под руку подвернется. Конечно, больше всего по истории или о приключениях под водой. Или просто лежал и размышлял часами, пытаясь представить себе жизнь и события тех страшно далеких времен, когда, спасаясь от преследователей, мчались на взмысленных конях по степи остатки разбитой армии Савмака. Потом, бросив загнанных лошадей, они карабкались по горным тропам Карадага, запирали тяжелые ворота крепости Тилур, готовясь к последнему бою.

Им неоткуда ждать помощи или спасения. За стенами крепости,

под крутым обрывом, грозно ревет море. И все-таки часть беглецов куда-то скрылась, унеся с собой какие то сокровища! Куда? Не на небо же, в самом деле, как подымали захватчики крепости. Они были люди суеверные, а нам, конечно, в это верить смешно. Но тем интереснее разгадать вековую загадку и узнать еще хоть что-нибудь новое о восстании Савмака и его товарищей...

Прошла неделя, и мне стало совсем невозможно валяться в одиночестве. Как назло, в этот вечер и навестить меня никто не пришел. А вчера они, тщетно обшарив все дно Голубой бухты, перебрались в Пограничную — ту самую, что расположена как раз напротив Золотых ворот Карадага. Неужели и тут ничего утешительного?

Так я лежал, не зажигая света, в темной палате и грустил, прислушиваясь к задорным звукам фокстрота, доносившимся в открытое окно с танцевальной площадки.

И вдруг в окне на фоне звездного неба появилась чья-то лохматая голова.

— Коля, ты спишь? — неуверенно спросил знакомый голос Павлика.

— Нет, заходи скорей! — обрадовался я.

Он неуклюже влез в окно и зажег свет.

— Ты один?

— Один, — ответил он с таинственным видом. — Ребята не решились идти, думали, ты уже спишь. А я не удержался, решил тебя сегодня же порадовать.

— Чем? — Я сел на кровати.

Он протянул мне руку и медленно разжал кулак. На ладони у него лежал точно такой же острый зазубренный шип, каким меня наградил хвостокол.

— Что, опять кого-нибудь ранило? — испугался я. — Чему ты радуешься?

Он расхохотался и сунул ладонь прямо мне под нос:

— Да ты возьми его в руки и рассмотри как следует!

Ничего не понимая, я повертел зазубренную косточку в руках. Самая обыкновенная, как и моя.

— Да ты ослеп, что ли? — закричал Павлик. — Она же просверлена!

Только теперь я заметил у основания шипа маленькую сквозную дырочку.

— Ну, и что же?

— Да ведь она не могла сама по себе образоваться! — Павлик уже начинал приходить в ярость от моей непонятливости. — Ее кто-то просверлил! Этот шип был наконечником дротика или стрелы. Мы нашли на дне остатки каменной стены, и там он валялся. Я его нашел! Раз там бросали оружие, значит, кипел бой. Понимаешь? Значит, мы нашли эту крепость!

Теперь-то я все понимал. Забыв о больной руке, я вскочил и бросился искать свою одежду. Черт, ее же отобрали врачи!

— Еще что нашли?

— Больше ничего пока. Понимаешь, это вышло при последнем погружении, уже под вечер. Поэтому и ребята не пришли, устали, спорят там у костра...

— Ты настоящий товарищ! — сказал я, крепко пожимая ему руку. — Теперь достань мне где-нибудь рубашку и брюки.

— Какие брюки?

— Я пойду с тобой. Не могу же я идти в этом халате!

— Что ты! — перепугался он. — Ты же еще болен, Кратов прогонит тебя.

— А ты думаешь, что я смогу здесь валяться, пока вы раскапываете крепость? Я сдохну с тоски!

Павлик задумался, потом рассудительно сказал:

— Все равно, ты не имеешь права нарушать дисциплину.

Тогда я взмолился:

— Хорошо, я останусь здесь еще на одну ночь. Но только до утра! Поклянись, что уговоришь старика завтра утром непременно прислать кого-нибудь за мной. Рука уже почти зажила, видишь, как свободно ворочается? Расскажи об этом Кратову. Пусть мне нельзя еще нырять. Я буду лежать на палубе и быстрее поправлюсь на свежем воздухе, чем в этой больнице. Слышишь? Не все ли врачам равно, где я буду лежать?

— Ладно, ладно, — замахал он на меня рукой. — Чего ты горячишься? Конечно, Василий Павлович поймет. Мы его уговорим... Ну, я пошел.

Он полез обратно в окно, а я крикнул ему вслед:

— Если утром не возьмете меня, сам приду! Так и передан.

Спал я плохо, а утром вовсе не мог найти себе места. Неужели они оставят меня здесь, когда начинается самое интересное? Нет, не могут. Ведь это я первый нашел цисту с документами. А мой дядя расшифровал их и направил нас сюда, в Карадаг. Если Кратов не учтет этого, нет больше справедливости на свете!

С такими мыслями я метался по комнате, как вдруг услышал за окном знакомые веселые голоса. Они пришли за мной! Даже все, в полном составе!

— А где же Василий Павлович? — упавшим голосом спросил я. (Неужели он сам не пришел, а только послал их уговаривать и утешать меня?)

— Успокойся!

— Не трусь! — загалдели друзья.

— Шеф отправился к главному врачу. Если тот разрешит, твое дело в шляпе.

Я кинулся к двери. Но она уже отворилась, и в комнату вошли

Кратов с врачом. В руках у врача я увидел свою одежду и заликовал.

— Спасибо, доктор! — сказал я, пытаюсь взять у него свою рубашку.

— Подожди, подожди... Ишь, какой приткий! — засмеялся тот. — Я еще должен посмотреть твою руку.

— Но вы же только вчера смотрели!

— То было вчера.

Пришлось подчиниться.

Осматривал он меня с ужасной медлительностью, но потом сказал:

— Ладно, можешь отправляться. Но только минимум неделю еще полный покой.

— Конечно, конечно, доктор. Я буду все время лежать.

— За этим я сам прослежу, — добавил Кратов, многозначительно посмотрев на меня.

Оделся я быстро, стараясь нарочно как можно свободнее действовать раненой рукой, хотя, признаться, она побаливала еще немного. Поблагодарил доктора и через минуту уже был свободен, снова среди товарищей.

Мы поспешили на берег, где, уткнувшись носом в гальку, стоял наш чудесный кораблик. Вся команда радостно приветствовала мое появление. Женя сразу запустил мотор, и мы отчалили, взяв курс прямо на Золотые ворота Карадага.

— А вот твое место, — сказал профессор, указывая на матрас, разложенный на палубе перед мостиком под небольшим навесом из парусины. — Немедленно ложись — и ни шагу отсюда!

— Есть... — упавшим голосом ответил я.

Внутри у меня все кипело от негодования, но спорить со стариком было совершенно бесполезно. Приходилось смириться. Так и валялся я все время на этом унылом ложе.

Мы стояли на якоре посреди Пограничной бухты, неподалеку от Золотых ворот. Ребята надевали акваланги, ныряли, потом возвращались с находками, а я все лежал, словно инвалид действительно. Правда, мне все было видно и слышно. Но от этого становилось еще обиднее. Теперь я в полной мере оценил пословицу: «Видит око, да зуб неймет»...

Ночевал я на тралботе. Вместе со мной остались Павлик, Женя и Валя. Остальные отправились на берег. Разложив на палубе матрацы, мы лежали рядом и смотрели, как они там разводят костер возле палаток.

На берегу было весело, но и у нас неплохо. Палуба чуть заметно покачивалась. Над нашими головами с протяжным, скрипучим криком проносились чайки и прятались под каменной аркой Золотых ворот. В чуткой вечерней тишине было отчетливо слышно, как плещется море в камнях. Оно то вздыхало, то начинало что-то глухо

бормотать совсем по-человечески.

Прислушиваясь к этим таинственным звукам, мы говорили вполголоса, точно боясь неосторожно вспугнуть засыпающее море. Говорили мы, конечно, все о том же — о подводных находках.

Их было мало, а главное, против наших ожиданий, все они оказались не очень-то интересные. За первый день Михаил и Павлик нашли только три таких же, как и первый, наконечника дротиков из шипов хвостоколов, а Светлана — сильно проржавевший медный наконечник копья. Вот и все. Правда, ребята подняли со дна четыре крупные, гладко обтесанные каменные глыбы. Но никаких значков или надписей на них не нашлось. Судя по всему, это были просто обломки крепостных стен.

А все мы в душе так рассчитывали найти сокровища, о которых упоминалось в письме. Неужели они исчезли навсегда, бесследно?

В подводном капкане

Прошло еще два дня, а настроение наше не улучшалось. Новые немногочисленные находки были похожи друг на друга и особой ценности, по-моему, не представляли. Все это были жалкие остатки древнего оружия — металлические и костяные наконечники копий, дротиков, стрел. Изредка попадались осколки посуды, но только отдельные мелкие черепки. Все это находили и раньше на суше при раскопках скифских курганов и греческих поселений. Стоило из-за них нырять!

Один Кратов был доволен, с увлечением рассуждал о всяких тонких различиях фортификационного мастерства скифов, тавров и греков. Но даже и он порой вздыхал, рассматривая поднятые со дна черепки амфор:

— Здорово поработали солдатики, что и говорить, здорово!

Да, с каждым погружением становилось очевиднее, что, захватив крепость в беспощадном бою, каратели буквально постарались стереть ее с лица земли. Разозленные таинственным исчезновением сокровищ и бегством вожаков восстания, они в слепой ярости перебили вдребезги ни в чем не повинную посуду и разметали по камню крепостные стены. После их ухода осталась пустыня.

От крепостных стен сохранились только основания. Их решили не выкапывать, а слегка расчистить, чтобы составить план разрушенной крепости.

Крепость стояла на самом берегу моря. Уровень его в те времена, видимо, был метров на девять ниже нынешнего. Одну из стен крепости заменяла высокая отвесная скала, на вершине которой, вероятно, располагался сторожевой пост.

Чем дальше мы рассматривали план крепости, тем меньше понимали, куда же могли скрыться оставшиеся в живых её защитники,

да еще не налегке, а унося с собой сокровища, упоминаемые в письме Аристиппа.

— Не понимаю, — вздыхал Кратов, снова и снова перечитывая вслух строки письма: — «Мятежники спрятали в крепости, где у скифов было древнее святилище, много награбленных сокровищ, поэтому ты понимаешь, как стремились все наши воины овладеть ею. Мы взяли крепость после трехдневного штурма. Представь наше удивление, дорогой Ахеймен, среди убитых и захваченных в плен мы не нашли никого из вожakov мятежа. Не обнаружили мы и сокровищ. Они исчезли совершенно бесследно. Сразу же среди воинов прошел слух, будто защитники крепости в самый последний момент вознесены их проклятыми варварскими богами на небо...» Ну, дальше уже начинается ерунда, мистика, — заметил профессор, задумчиво складывая копию письма. — Но куда же они все-таки скрылись? Уйти в горы не могли. Уплыть в море — тем более.

Он посмотрел на море, сверкавшее в лучах солнца, потом на горы, тесно обступившие маленькую бухту, словно ожидая от них ответа.

Но горы молчали, а море шумело лениво и равнодушно, как и десять веков назад. Только чайки, словно поддразнивая нас, кричали, кружась над палубой и выпрашивая подачки.

— А может, это вовсе не та крепость? — сказал Михаил. — Поищем еще в соседних бухтах.

Краков пожал плечами:

— Нет, видимо, все-таки это именно Тилур. Конечно, прямых подтверждений у нас пока нет, но уж больно беспощадно она разрушена. Не мудрено, что даже упоминания о нем не сохранилось в источниках. Пока она была скифской или таврской, греки ею особенно не интересовались, а бунтарскую разрушить до основания они, конечно, постарались, чтобы все забыли даже ее ненавистное имя. Да

и место это, судя по легендам, упоминаемым в письме, считалось уже дьявольским, зачарованным. Его никто не посещал.

Он снова вздохнул и scomандовал:

— Ну, хватит гадать. Давайте лучше продолжать поиски. Чья очередь нырять?

— Наша, — ответил Михаил и лениво пошел надевать акваланг. Всем своим видом он показывал, что не верит в пользу дальнейших поисков.

Так оно и было. Через полчаса Михаил и Светлана вернулись опять с пустыми руками.

Это было последнее погружение в этот день. Поднялся резкий ветер. Наш капитан с тревогой посматривал на косматые тучи, застрявшие на острых горных вершинах. Мы все опасались, что он вот-вот скажет: «Пора уходить отсюда...» Но Сергей промолчал, только решил на всякий случай остаться ночевать на борту, вместе с нами.

Солнце спряталось за вершины Карадага. Шлюпка ушла на берег. Я лежал, закинув руки за голову, смотрел в небо и думал о загадке исчезновения защитников крепости, строку за строкой вспоминая письмо Аристиппа. Каждый из нас успел уже выучить его наизусть. Сколько ни ломал я голову, никакая мало-мальски правдоподобная разгадка не подвертывалась. Чтобы отвязаться от этих мыслей, я взялся за книгу.

Читал я — вернее, в какой уже раз перечитывал — замечательную книгу Кусто «В мире безмолвия». Ту главу, где он рассказывает, как нырял с товарищами в аквалангах в залитые водой пещеры. Особенно сложным оказалось исследование знаменитого Воклюзского источника во Франции. В книге был даже приведен подробный план этой громадной пещеры, и я внимательно изучал по нему все этапы погружения.

Читал я долго при свете переносной лампочки, качавшейся у меня над головой, на вантах. Товарищи уже уснули, потух костер на берегу. Вокруг маленького пятна света от лампы темной стеной стояла ночь, глухо шумело в скалах море.

Сунув книгу под подушку, я заснул. И мне снилось, будто я, надев акваланг, лезу в пещеру. Вход был очень узкий, и, помню отчетливо, я подумал во сне: «А как же туда могли забраться товарищи Савмака?»

С этой мыслью я и проснулся. Стояла глубокая ночь. Ветер стих. Море тоже притихло и плескалось еле слышно. Над черными громадами гор висели крупные, яркие звезды.

В этой бездонной тишине я слышал стук своего сердца. Оно у меня билось в груди от внезапной догадки.

Пещера... Конечно, там должна быть пещера, вход в которую прятался под водой даже тогда, во времена Савмака! Только туда и

могли скрыться уцелевшие защитники крепости. Им оставался один только путь: в море — и под землю. Там, в пещере с подводным ходом, они могли переждать, пока враги покинут это место, и тогда спокойно выйти на поверхность — и ищи ветра в поле...

Как это никому из нас не пришло в голову раньше? Только так ведь и можно объяснить загадочное исчезновение окруженных со всех сторон людей! И никакой чертовщины и мистики.

Неужели я первый нашел разгадку?!

И тут же у меня в голове промелькнула горькая мысль: увы, даже если это так, то все равно вступить в эту пещеру мне первому не суждено. Хотя рука у меня практически зажила, наш старик, конечно, ни за что не позволит мне завтра нырнуть, чтоб поискать вход в пещеру. Сначала он пошлет меня к врачам. А пока я буду бегать, мои товарищи уже найдут пещеру.

Но почему мне не сделать этого сейчас, не откладывая? Все спят, я тихонько оденусь, нырну, и так же незаметно вернусь обратно. А завтра расскажу о своей находке, и тогда Кратов на радостях не станет меня ругать: ведь победителей не судят...

Акваланги, готовые к утренним погружениям, лежали на корме. Я тихо пробрался туда; не зажигая света, нашел свой акваланг и торопливо прикрепил к нему добавочный баллон, чтобы иметь запас воздуха побольше. Как потом оказалось, это было весьма предусмотрительно.

Гидрокостюм я надевать не стал. Вода была достаточно теплой, а, по моим расчетам, вход в пещеру вряд ли мог находиться глубже пятнадцати метров. Иначе, даже при более низком уровне воды в старину, в пещеру затруднительно было нырять без водолазных костюмов, которых сподвижники Савмака, конечно, не имели.

На вантах висели электрические фонари, с которыми мы ходили на большие глубины. Я выбрал самый мощный из них.

Закончив ошущью приготовления, я так же осторожно, боясь за что-нибудь зацепиться и поднять шум, перелез через борт и стал спускаться по трапу. Когда ноги мои коснулись воды, она замерцала сотнями голубовато-зеленых искорок. Я натянул маску и повернул вентиль. Воздух тихо, успокаивающе зашипел. Все было в полном порядке.

С последней ступеньки я без плеска, совершенно бесшумно, нырнул сразу на четыре метра.

Никогда прежде мне еще не приходилось плавать под водой ночью. Я даже не представлял, насколько это необычно.

Первое впечатление было, что я нырнул не в воду, а в чернила — так показалось темно по сравнению с обычными погружениями днем. Но не прошло и двух минут, как я ощутил, что эта тьма наполнена светом — но таинственным, скрытым до поры до времени. Стоило взмахнуть рукой — и в воде во все стороны рассыпались го-

лубоватые искры, призрачные, как светлячки. И руки у меня мягко светились, точно покрытые фосфором.

Я поднял голову и посмотрел вверх. Над морем царила ночь, но с поверхности воды ко мне все-таки пробивался свет — слабый, мертвенно-бледный, словно и неземной. Он пробуждал неприятное чувство.

Я торопливо зажег фонарик, совсем не подумав, что свет может быть замечен с берега или с судна.

Но и с фонарем оказалось не лучше. Узкий луч озарял только слабое пятно желтоватого цвета. А тьма вокруг стала еще гуще, еще тяжелее. Невольно хотелось обернуться и осветить во все стороны: не прячется ли кто в темноте. Я еле удержался от этого желания, внушая себе, что никаких опасных хищников в Черном море не водится.

Погасив фонарь, я поплыл в сторону берега, постепенно погружаясь всё глубже. Единственным подходящим местом для пещеры могли быть только высокие скалы в левом углу бухты. Туда я и направился.

Вот и скала, отвесно уходящая вверх. Приблизившись к ней, я больно ударился в темноте о камень. Пришлось снова зажечь фонарик.

В его слабом свете камни отбрасывали расплывчатые тени и, казалось, сами движутся. Из-под моих ног метнулась сонная рыба. Тень от нее сошла б за акулью... Успокаивая себя и стараясь не озираться по сторонам, я медленно поплыл вдоль скалы, светя себе фонариком.

И тут я заметил в скале темное углубление. Но нет, это не пещера... Я поплыл дальше.

Стало слегка познабливать. Неужели я слишком долго пробыл под водой? Посветив фонариком, я глянул на часы. С момента погружения прошло двадцать две минуты. Не так уж. Или вода здесь, у берега, холоднее?

Не раздумывая особенно, я продолжал поиски. Прошло еще десять минут, потом еще пятнадцать. Я обогнул большой камень, глубоко зарывшийся в песок, и прямо над своей головой увидел зияющую черную дыру.

Я подплыл и осветил в нее фонариком. Луч проник метра на два и не уперся ни во что. Дыра углублялась дальше в толщу скалы. Отверстие было довольно широким, я свободно мог бы протиснуться в него, даже не зацепившись баллонами. Но, может быть, это вовсе не пещера, а просто неглубокий грот в скале? Таких немало нам здесь попадалось.

Я решительно полез в отверстие. Ощущение оказалось не слишком приятным. Все время боялся, что застряну в каменной трубе. Но дыра постепенно расширялась, и нервы мои успокаивались.

Я заторопился, забыв об осторожности. И напрасно. Тут же правый шланг, идущий от редуктора к маске, вдруг зацепился за что-то. Зацепился крепко — я не смог повернуть даже голову.

Дернуться посылнее опасно: шланг может порваться, в маску хлынет вода. Попробовал пятиться назад — тоже никак. Я засел прочно и основательно, словно в кашкане.

«Только не волноваться! — внушал я себе. — Только не волноваться и не терять разума! Это первая заповедь подводника»

Я медленно покачал из стороны в сторону головой, пытаюсь освободиться. Покрутившись минут пять, я устал и остановился передохнуть. И сразу мне стало холодно.

Несомненно, что всего пять минут назад вода была теплее. Может ли так быстро меняться ее температура! Или из пещеры идет холодное течение? Но я не ощущал особого движения воды вокруг.

И тут дошло: ведь я же могу просто сбросить баллоны вместе с шлангами и маской, оставить их пока в пещере и свободно вынырнуть на поверхность! Руки-то и ноги у меня свободны!

Но хорош я буду, совершив самовольное погружение да еще вдобавок утопив акваланг!

А вода всё холоднее. У меня уже начинало сводить руки от холода.

Медлить было нельзя. Прежде всего я отстегнул ремни, которые удерживали на спине баллоны с воздухом. Сбрасывать их не стал, опасаясь, что потеряю тяжесть и вода затянет меня глубже в пещеру. Сделал несколько сильных вдохов и выдохов... И, набрав побольше воздуха в легкие, сбросил с головы маску и, отталкиваясь о стенки, начал выкарабкиваться из ловушки.

Вот и конец туннеля. Я стремительно мчался навстречу свежему воздуху, к жизни!

Снова Медуза Горгона!

Казалось, до поверхности было дальше, чем до Луны! Страшно хотелось раскрыть рот и вздохнуть, вдохнуть полной грудью! Но я устоял и разжал рот как раз в тот момент, когда голова моя появилась над водой.

Я дышал жадно и глубоко, отфыркиваясь, как тюлень. К счастью, никто меня не услышал. Наверху все оставалось таким же безмятежно-спокойным, как и перед моим погружением. Сияли звезды; точно сквозь сон, тихо шумело море и бормотало в прибрежных скалах. Природе не было никакого дела до моих подводных приключений. Я мог бы остаться навсегда в пещере, а здесь ничего бы не изменилось.

Я поплыл к нашему тралботу, черневшему на фоне звездного неба. Пока я добрался до него, вода стала прямо-таки ледяной. Я с

трудом вскарабкался на трап, ноги и руки у меня сводило от холода.

На борту все спали. Только когда я, лязгая зубами, пригнувшись, прокрался к своему матрацу, вроде бы Сергей поднял голову и сонно спросил:

— Ты чего возишься?

— Замерз что-то, ходил за одеялом, — ответил я шепотом.

— Замерз? Ты что, заболел?.. — Но, уронив голову на подушку, он моментально захрапел.

А я накрылся двумя кусками брезента, но все никак не мог согреться. Меня била дрожь.

И всё же мало-помалу волнение улеглось, усталость взяла свое, и я крепко уснул. Во сне я снова лез в пещеру, задыхался, вскрикивал под водой и захлебывался.

Потом кто-то крепко схватил меня за ногу и дернул. Я вскочил.

Это было уже не во сне. Сияло солнце. Облака плыли по небу. Павлик тревожно смотрел на меня:

— Ты что, заболел?

— Нет. С чего ты взял?

— А чего же кричишь во сне?

Послышался плеск весел и приближающиеся голоса. Это подплывали наши товарищи, ночевавшие на берегу. Надо было решаться объяснить Кратову исчезновение акваланга. Я и решил ничего не скрывать, а все выложить начистоту.

Когда начальник поднялся по трапу на борт, я поздоровался и сказал:

— Василий Павлович, мне нужно поговорить с вами наедине.

Он подозрительно посмотрел на меня:

— Если ты насчет погружений, то прежде надо поговорить с врачами.

— Нет, у меня к вам важное дело.

Все с любопытством окружили нас, прислушиваясь к разговору.

— Хорошо, — кивнул Кратов. — Пойдем в каюту.

Мы спустились в кубрик и сели за узенький откидной столик. Василий Павлович выжидающе смотрел на меня. А я не знал, как начать свое покаяние.

— Понимаете, какое дело, — промямлил я наконец, — я утопил акваланг...

— Акваланг. Где? Какой?

— Свой акваланг. В пещере. Вы не беспокойтесь, его ребята легко достанут.

— Ничего не понимаю! — помотал он головой. — Пожалуйста, расскажи все толком и по порядку. Какая пещера? Что за акваланг?

Собравшись с духом, я стал рассказывать все: как меня осенила во сне догадка насчет пещеры, почему я решил ночью нырнуть один, как едва не застрял в подводной ловушке.

Загорелое худощавое лицо Кратова то и дело менялось во время моего рассказа: попеременно возникали выражения то изумления, то гнева, то радости.

— И ты действительно нашел эту пещеру? — спросил он, когда я кончил, крепко схватив меня за руку.

— Кажется, — ответил я неуверенно. — Ведь я не смог в нее проникнуть до конца.

Несколько минут Василий Павлович молчал. Потом задумчиво произнес, пытаясь глядя на меня:

— Не знаю, что мне делать с тобой. Когда кончится твой детский анархизм? Совершить открытие в одиночку! Какая глупая мечта! Откуда такая самонадеянность? Да что ты можешь один? Затонувший корабль нам помогли найти рыбаки. Тропинку к затерянной крепости нащупал твой дядя, метеоролог. Сотни ученых в течение многих лет по крупицам добывали и накапливали сведения о далеком прошлом нашей родины. А ты — один?

Я молчал, опустив голову. Разве я сам не понимал, что поступил по-мальчишески! А он, вздохнув, продолжил:

— По-настоящему следовало бы после этих фокусов просто выгнать тебя из экспедиции. Но только одно меня удерживает. Знаешь что? Не то, что ты нашел эту пещеру, совсем нет, не надейся. Победителей тоже судят, ты ошибаешься. А вот что сумел не растеряться в опасном положении и самостоятельно выпутаться из него... Вот это внушает мне надежду, что ты наконец становишься взрослым.

Он неожиданно ткнул меня кулаком в грудь и добавил уже другим тоном:

— Ну, а теперь все наверх! Посмотрим твою находку.

На палубе мы увидели, что Аристов и Светлана надевают гидрокостюмы.

— Зачем? — удивился Кратов.

— Вода очень холодная, Василий Павлович. Просто ужас! — пожаловалась Наташа. — Вы подумайте, вчера было двадцать градусов, а сегодня только шесть.

Тут я вспомнил, что совсем забыл рассказать Кратову о похолодании воды, которое так меня удивило ночью. Выходит, это мне вовсе не показалось.

— Сгонный ветер поработал, — пояснил свесившийся со своего мостика Сергей. — Вчера ветер дул с берега. Он и согнал в море всю верхнюю теплую воду. А снизу, с глубины, поднялась холодная. Так здесь часто бывает.

— И надолго это? — спросил Кратов.

— Нет, ветер переменился. Думаю, завтра все снова в норму придет... А мы пока перейдем в другую бухту...

— Отсюда уходить рано, друзья мои, — заявил профессор, незаметно подмигнув мне. — За ночь произошли некоторые события, ко-

торые заставляют нас продолжать поиски именно в этой бухте.

Тут, конечно, поднялся шум и гам. Все требовали рассказать, что произошло. Пришлось мне снова излагать свои ночные похождения.

Услышав о пещере, все, конечно, воспылало начать ее исследование непременно сегодня. Но старик возразил:

— Вы же слышали, что в пещеру трудно проникнуть даже голому человеку, в одном акваланге. А вы хотите лезть туда в гидрокостюмах. Придется потерпеть до завтра, хотя, поверьте, для меня это отнюдь не легче, чем для вас.

Возражение было резонное, и все, поворчав, смирились. Но ждать было чертовски трудно. Мы все измаялись за этот бесконечный день. Купаться нельзя — вода ледяная. Целый день валяться на пляже — жарко. Мы через каждые полчаса мерили температуру воды, но к полудню она поднялась всего на два градуса.

В тот день мы облазили со всех сторон скалу, в недрах которой таилась пещера. Карабкались по склонам, стучали, приложив ухо к горячим камням. Но скала как скала — никаких признаков пустот. Я уже начал сомневаться: а вдруг мои предположения ошибочны и никакой пещеры там нет. Вдруг я нашел вовсе не вход в пещеру, а просто расщелину, которая никуда не ведет?

На следующий день я проснулся рано, когда солнце еще только вылезало из-за лысой горы. И первым делом сунул термометр в воду. Десять минут, пока он торчал в море, я простоял, свесившись через борт, словно согревая его взглядом.

Сергей оказался прав. Вода снова нагрелась до восемнадцати градусов. Нырять вполне можно. На радостях я сложил ладони рупором и заорал на всю бухту:

— Эге-гей!

Ох, какой гвалт подняли перепуганные чайки, тучами вылетая из-под каменных сводов Золотых ворот! Ко мне подбежал заспанный капитан. Зашевелились и на берегу.

Через полчаса все уже собрались на борту нашего кораблика, и бодро зарокотал мотор. Сергей подвел тралбот почти к самой скале и дал команду бросать якорь. А мы поспешили на корму за аквалангами.

Я очень боялся, что Кратов не даст мне нырять вместе с ребятами. Но он ничего не сказал, когда я взял запасной акваланг и стал проверять его. Только поднимая голову, я несколько раз перехватывал его испытующий взгляд.

Проверив снаряжение, мы выстроились вдоль борта.

— В первой паре пойдут Аристов и Козырев, — сказал профессор и посмотрел на меня: — Сам утопил акваланг, сам его и добывай. Вторая пара — Павлик и Борис. Девушки сегодня работают страхующими, пока не проявится обстановка.

Светлана сердито фыркнула, но Наташа, по-моему, была даже

довольна, что ее не пускают в пещеру.

— Первым пусть лезет Николай, — распоряжался наш чудесный старик, — он знает дорогу. Ты, Миша, при малейшей опасности окажешь ему помощь. Кроме ручных фонариков, возьмите прожектор. Сигналы остаются прежними. Время работы — полчаса.

Срок он, как всегда, отвел нам маловатый. Но на радостях спорить не приходилось. Я торопливо, боясь, как бы Кратов не раздумал, надел маску и полез на трап. Мне подали прожектор в водонепроницаемом кожухе. Толстый провод, тянувшийся от него, стеснял движения, но зато теперь я не буду блуждать в темноте, как ночью с жалким фонариком.

Под водой Михаил попытался меня обогнать. Я погрозил ему кулаком, но поплыл быстрее.

Теперь, пронизанное солнечными лучами, море было приветливым и вовсе не казалось загадочным. Я издалека увидел свои баллоны, лежавшие на песке и отбрасывавшие во все стороны сверкающие блики,

Вот и темный вход в пещеру. Как его не заметили раньше? Да ведь никто его и не искал. Мало ли гротов встречали мы под водой и проплывали мимо.

Я зажег прожектор и смело полез в туннель. Стайка мелких рыбешек заметалась в каменной трубе и канула в её темную глубину. Прожектор светил так, что был отчетливо виден каждый выступ стены.

Еще несколько метров, и я увидел свою маску. Оказывается, она зацепилась за большую раковину мидии, прилепившуюся к своду туннеля! Не стоило никакого труда освободить ее. Но то — днём. А ночью?

Маску я бросил Михаилу, который лез за мной по пятам на некотором расстоянии, следя, чтобы не зацепились за камни провод и сигнальный трос, обвязанный вокруг моего пояса.

Дальше туннель начинал постепенно расширяться, поднимаясь полого вверх. Стены его раздвигались. Похоже, что я уже выбрался в пещеру. Я остановился и стал водить лучом прожектора из стороны в сторону.

Вот внизу, подо мной, что-то тускло блеснуло. Я направил туда свет и подплыл поближе.

Прямо перед собой я увидел уродливую, страшную рожу. Она показывала мне язык!

Да это же снова Медуза Горгона, догадался я. Ее изображение находилось на круглом боевом щите. Оскаленные зубы, выпученные глаза должны были смущать суеверный дух врагов.

Вертя прожектор, я старался рассмотреть, что еще есть в пещере. Вот какой-то столб или плита, уходящая вверх. Дальше на стене нарисованы странные фигуры... Зная, что меня в любой момент могут

вызвать на поверхность, я торопился увидеть как можно больше. Рассматривать детали не было времени.

Я направил луч вверх. Там переливалось радужное пятно. Ещё рисунок на потолке пещеры?

Я начал подниматься осторожно, чтобы не удариться о потолок головой. И вдруг с удивлением почувствовал, как голова моя словно прорывает невидимую пленку. В тот же момент давление воды на маску перестало ощущаться. Я поднял руку с прожектором, — и сразу почувствовал его солидный вес.

Тут только я сообразил, что поднялся на поверхность. Вода заполняла пещеру не до самого потолка. Между ними оставался слой воздуха!

С некоторой опаской я вынул изо рта загубник и сделал осторожный вдох. Кто знает, каким окажется воздух, сохранявшийся в подземелье двадцать с лишком веков? Но воздух был обыкновенным: чуть влажным, довольно свежим, во всяком случае, не затхлым. Видимо, он просачивался по щелям с поверхности скалы. А иначе люди и не смогли бы прятаться здесь.

Я хотел позвать Михаила глотнуть подземного воздуха. Но тот уже сигнализировал, что сверху приказ выходить. Сунув загубник обратно в рот, я нырнул и, стараясь не наткнуться невзначай на столб, поплыл к выходу из пещеры.

Выбравшись из туннеля, мы подхватили валявшиеся на песке баллоны, маску и стали всплывать. Наши лица были совсем рядом, а поговорить нельзя. Никак не поделишься впечатлениями! Я видел сквозь стекла наших масок, как он гримасничает и таращит глаза.

Мы вынырнули одновременно и, ухватившись за трап, даже не вылезая, начали стаскивать маски.

— Ты видел? — задыхаясь, выпалил я. — Медузу видел?

— Ещё бы! — Михаил тоже с трудом переводил дыхание. — По-моему, золотая.

— Ну да! А вода — не доверху. Я вынырнул, а там воздух...

Тут мы увидели, что все участники экспедиции, свесившись через борт, напряженно прислушиваются к нашей сумбурной беседе, и расхохотались.

— Вылезайте немедленно и докладывайте! — уже кричал Кратов. — Что за секреты!..

Потайное святилище

— Я должен сам посмотреть пещеру, — решительно заявил профессор, когда мы, перебивая друг друга, рассказали о том, что видели.

Мы опешили. Ведь нужно нырять на порядочную глубину, а потом еще ползти по узкому туннелю, заполненному водой. Но нам по-

правились его горячность и смелость.

— Василий Павлович, но... Ваш возраст. И потом... — нерешительно пробормотала Светлана.

— Что «потом»? Возраст у меня вполне зрелый.

— Но по инструкции не полагается, — вмешался я.

Ох, как он на меня свирепо глянул! Наверное, подумал, что издеваюсь над ним, припомнив, как строго он всегда заставлял нас придерживаться этой самой инструкции. Но я, честно говоря, вовсе не подумал об этом, а просто боялся за нашего старика.

— Должен же я когда-нибудь нырнуть! — заявил он, воинственно выставляя свою бородку. И тут же просительно добавил: — Только пусть это останется между нами. Все-таки нарушение, в какой-то степени вы правы...

Он нас просил о смягчении жестких правил! Разве могли мы устоять?!

Но каждый принимал на себя ответственность, и все сообща стали разрабатывать детальный план. Было решено, что сначала в пещеру отправятся Михаил с Павликом. Они должны захватить с собой пустую автомобильную камеру, чтобы там надуть ее, превратив в своего рода спасательный круг. Потом укрепят под сводом пещеры лампу в тысячу свечей. Вместе с прожекторами, установленными под водой, это позволило бы нам осмотреть все уголки пещеры.

Когда передовые дадут сигнал, что все готово, в пещеру пойдёт Василий Павлович в сопровождении Бориса и Светланы.

Мы с Наташей оставались на борту для страховки.

Как ни хотелось мне снова в пещеру, первому все там осмотреть, я не стал возражать. Моя задача, в сущности, оказывалась самой ответственной: прийти на помощь всем остальным в случае малейшей опасности.

Исполнять разработанный план мы начали немедленно. Самой трудной задачей было, конечно, доставить благополучно в пещеру нашего начальника. С аквалангом он был хорошо знаком и надевал его с нашей помощью умело. Но ведь этого мало, нужно еще здоровье и опыт. Под тяжестью баллонов Василий Павлович совсем согнулся. И мы поспешили опустить его в воду, чтобы он скорее потерял вес и заодно потренировался в правильном дыхании. Так что, придерживаясь за трап, он с головой погрузился в воду и сидел там, пуская пузыри.

Михаил и Павлик нырнули, навьюченные лампами, прожекторами и другим снаряжением, и минут через пятнадцать уже подали условный сигнал.

Теперь спустились в воду Борис со Светланой. Они попытались взять Кратова за руки с двух сторон и так провожать в морские глубины. Но старик сердито вырвался и стал самостоятельно и довольно ловко погружаться. Три тени постепенно растаяли в глубине.

Время остановилось. Мы томились на раскаленной палубе, казалось, целую вечность, а товарищи не подавали никаких сигналов. Они все еще были в пещере, т.к. пузырьки воздуха не выскакивали на поверхность.

Терпение мое лопнуло, и я дернул разок за сигнальный конец, привязанный к поясу Михаила: «Как себя чувствуешь?»

Он ответил тоже одним рывком: «Хорошо».

Тогда я дернул за тросик трижды, приглашая его на поверхность. Он не ответил. Повторил сигнал. Он продолжал молчать. Я был совершенно бессилён: тащить его оттуда нельзя — зацепится за выступы скалы.

И тут на поверхности моря весело забулькали пузырьки. Кто-то из товарищей возвращался. Не дожидаясь, пока они выйдут из воды, я торопливо спустился по трапу и нырнул.

Мне навстречу поднимались Борис и Светлана и что-то тащили в сетке, заменявшей мешок. Проплывая мимо, Светлана восторженно показала мне сразу два больших пальца.

В туннеле было темно, но я пробирался уже уверенно, словно по коридору собственной квартиры. А сама пещера оказалась залита ярким светом. Два прожектора горели под водой, а наверху, под сводами, ослепительно сияла пузатая лампа.

Между потолком пещеры и поверхностью воды оставался промежуток метра в полтора. По этому подземному озеру плывал наш профессор, придерживаясь за спасательный круг автомобильной камеры, то и дело опуская голову в воду — наблюдал за работой Аристова и Павлика. Увидев меня, Кратов удивился и хотел что-то спросить, но забыл вынуть мундштук изо рта. Смутившись, он исправил эту ошибку и набросился на меня:

— Вы здесь зачем?

— Мне сказали, чтобыплыл вам на помощь, — слукавил я.

— Ничего подобного я не поручал!.. Но ладно. Раз уж вы тут, помогите-ка ребятам разметить пещеру.

Сверху было не понять, чем заняты под водой мои товарищи. Нырнув, я увидел, что они вбивают колышки в пол пещеры и натягивают между ними проволоку. Старик оставался верен себе: прежде всего следует разметить раскоп на квадраты, чтобы все находки разложить по определенным полочкам...

Я стал помогать, но то и дело отвлекался, чтобы разглядеть находки. В одном углу пещеры были грудой навалены не то кубки, не то чаши. Они блестели в свете прожектора, как будто были из драгоценного металла.

Я едва не наткнулся на каменный столб, что видел при первом посещении пещеры. У его подножия лежали тот самый щит с маской Горгоны, меч, браслеты и кольца, — тоже, на мой взгляд, золотые. Рассмотреть их как следует не удалось — Михаил толкнул меня в

бок, приглашая взяться наконец за работу.

Работа наша растянулась почти на неделю. Пока мы не разметили всю пещеру, Кратов не позволил ничего двигать с места. Каждый квадрат пола со всеми на нем предметами мы фотографировали. Василий Павлович каждый день нырял вместе с нами, составлял точный план пещеры. Это было совсем не легко. Приходилось то погружаться в воду с головой, чтобы рассмотреть находки, то снова выныривать к резиновому плоту, который мы превратили в плавучий письменный стол, положив на камеру широкую доску.

Только закончив все подготовительные работы, мы начали выносить находки из пещеры. И только теперь как следует разобрались в том, что нашли.

Пещера оказалась довольно просторной. Длина ее достигала без малого девяти метров, ширина — пяти с половиной. От пола до потолка, образовавшего полукруглый свод, в самом высоком месте было около четырех метров. Во времена Савмака в пещере, да и почти во всем наклонном туннеле, было сухо, вода заливала только самый вход. Но, когда уровень моря поднялся — или, может быть, наоборот, опустился берег — пещера оказалась затопленной.

Подробная перепись наших находок заняла почти полную тетрадь. В пещере, словно в музее, оказались собраны самые различные вещи. Еще издавна она, видимо, служила потайным святилищем тавров. Об этом свидетельствовали два громадных рельефных изображения мужчины и женщины с раскинутыми в стороны руками, вырубленные в одной из стен. Фигуры были очерчены совсем примитивно, словно рукой ребенка.

А перед ними, немного отступя от стены, торчала каменным столбом плита. Она была разрисована непонятными, возможно, ритуальными, значками. В верхней части ее, почти достигавшей уровня воды, сверкал золотой диск с расходящимися во все стороны лучами — символ солнечного бога Гелиоса. Точно такое же изображение, как сказал Кратов, имеется и на обратной стороне монет, приписываемых Савмаку!

— Почему восставшие рабы выбрали этот символ, — ответил профессор на наши недоуменные вопросы, — можно только гадать. Но это не единственный случай. Примерно в то время восстания рабов потрясали античный мир во многих местах: в Малой Азии, в Сицилии, на острове Делосе, в рудниках Аттики. И чрезвычайно любопытно, что восставшие рабы в Пергаме тоже избрали своим символом изображение Гелиоса и провозгласили себя гелиополистами — «гражданами солнца». Вероятно, и Савмака увлекла извечная мечта о стране счастливых, о «солнечном государстве», где не будет места угнетателям...

Скифы приспособили таврское святилище для своих целей. Может быть, здесь прятались беглые рабы, собирались заговорщики.

Более укромное место трудно было найти. Здесь они мечтали о солнечной стране...

Перед изображением Гелиоса покоился на полу плоский камень. На нем сохранились следы пламени. Вероятно, здесь пылал священный неугасимый огонь. А по бокам стены с золотым солнечным диском стояли два изумительных глиняных светильника. Один изображал сирену в виде полуженщины-полуптицы, второй — богиню Афродиту, выходящую из морской раковины.

— Работа несомненно греческая, — сказал о них Василий Павлович. — Вероятно, привезены из Афин и украшали там какой-либо дворец, а скифы, захватив власть, перенесли их сюда. Среди рабов нашлись истинные ценители красоты, хотя их владельцы и пытались превратить всех в рабочих животных, в домашнюю скотину.

Еще более причудливое смешение мы обнаружили в углах пещеры. Что тут только не было свалено в беспорядочные груды! Золотые и серебряные чаши, блюда, щиты, мечи, цепочки с драгоценными камнями...

Это и были сокровища, о таинственном исчезновении которых сетовали алчные захватчики крепости. Теперь находки попадут в музей, чтобы все могли полюбоваться искусством древних мастеров.

Описывать всё было бы слишком долго, да и бесполезно. Надо видеть собственными глазами. Но кое-что мне особенно запомнилось.

Там была громадная, вполобхвата, золотая фиала, сплошь покрытая удивительными живыми и выразительными рельефными фигурками зверей: львы терзали быстроногих антилоп, над ними кружили орлы, распластав широкие крылья...

Наши девицы особенно оценили круглое серебряное зеркало. Обратная сторона его была покрыта особым сплавом — электром, а на нем выгравировано изображение сидящей и отдыхающей крылатой богини победы Ники.

Увы, победа недолго сопутствовала восставшим... Мечты о солнечном государстве растоптали гошлиты. Для немногих уцелевших потайная пещера стала последним прибежищем. Сумели ли они перехитрить врагов и, переждав здесь опасность, ночью выскользнуть через подводный ход на свободу, уйти в большой мир, чтобы снова сражаться, прятаться, разносить по другим городам и странам неугасимые искры восстания? Или враг устроил засаду, караулил их и они предпочли погибнуть в этом подземелье от голода и жажды, но не сдаться?

Для одного из помощников Савмака пещера несомненно стала гробницей.

Я упоминал, что посреди пещеры, возле очага, лежали на полу золотые украшения, меч и щит с головой Медузы Горгоны. Оказывается, они валялись не как попало. Нанеся эти находки на план, Василий Павлович вдруг воскликнул:

— Пойдите, да ведь это же погребение! Теперь понятно, почему украшения расположены в таком странном порядке. Видите? Здесь лежал человек.

Присмотревшись, мы тоже научились различать знаки очертаний лежавшего здесь некогда расprostертого человеческого тела. Кольца отмечали положение его пальцев, браслеты наверняка украшали запястья, щит покоился на груди убитого воина, а меч с отделанной золотом рукояткой лежал рядом с телом.

Но куда девалось тело? И мы поняли: оно бесследно растворилось в море. Если бы вода не залила пещеру, тело покойного, может быть, превратилось бы в мумию, высохло. Но море поглотило героя навеки, и только погребальные украшения сохранили для нас его тень...

Кто он был?

В письме, найденном в цисте, упоминались два сподвижника Савмака, скрывшиеся в крепости, — Бастак и Аристоник.

— Скорее всего, здесь погребен Бастак, — размышлял профессор. — Погребение типично скифское: рельеф на ручке меча в характерном «зверином» стиле, и сам меч короткий — массивный эфес с крестовидной сердцевиной. Типичный акинак. Но изображение Медузы Горгоны на щите, конечно, греческое. Восставшие могли похоронить и грека Аристонику на скифский манер. Во всяком случае, это еще раз подтверждает, что в восстании принимали участие не только рабы-скифы. Оно стало подлинной революцией всех угнетенных против рабовладельцев.

Меня немножко разочаровало, что не нашлось никаких рукописей или записок о ходе восстания. Эта мечта и не могла осуществиться, как я потом сообразил. Ведь у скифов не было письменности, а рабов никто не учил грамоте. Да и кто бы мог вести какие-то записки в горячке смертельной битвы?

Но это не беда. Когда ученые как следует разберутся в подводных находках, мы наверняка узнаем что-то новое о восстании отважных людей, еще тысячи лет назад мечтавших построить на нашей земле светлое Государство Солнца...

Эпилог... Или пролог?

...Сейчас зима. Я сижу за столом и вспоминаю наши летние приключения. Кажется, о них рассказано все. Но история моя на этом не кончается.

Нужно ли говорить, что я в этих поисках под водой нашел не только разные удивительные вещи, но и свой жизненный путь, свое призвание? Наверное, вы сами уже догадались об этом по тому увлечению, с каким я вел рассказ. Дядя Илья может быть спокоен: я приобрел стержень, необходимый каждому человеку. Василий Павлович и друзья, обретенные под водой, помогли мне, и теперь я сту-

дент-заочник первого курса исторического факультета МГУ. Я твердо решил разобраться до конца в печальной судьбе отважного Савмака и в других загадках истории.

Частенько я наведываюсь в музей, где со щита, лежащего в отдельной витрине, смотрит на меня золотая маска Медузы Горгоны. На витрине надпись:

«Найдена в Карадаге (Крым) подводной археологической экспедицией профессора В.П.Кратова».

Я смотрю на искаженное гневом лицо Медузы, показывающей мне язык, и думаю: сколько еще загадок ожидает нас в морских глубинах! Но мы непременно разгадаем их!

Надо проверить, нет ли какой связи между этой маской и таким же клеймом на амфорах.

Летом снова отправимся в море продолжать раскопки затонувшего корабля. Там могут таиться в песке и другие цисты с древними рукописями.

И подземное потайное святилище еще нуждается в детальном исследовании. Там могут оказаться подземные ходы, другие пещеры.

Множество приключений и открытий ожидает нас впереди. Значит, история эта вовсе не кончается, а только лишь начинается...

Оглавление

Знакомство под водой	1
Слишком обитаемый остров	5
«Алмаз» ведет поиск	11
«Одинокие в ночном море»	17
Подводные раскопки	23
«Жизнь ему спас другой...»	28
Странная находка	33
«Разум отказывается верить...»	37
По следам ветра	44
Карадаг	50
Долг платежом красен	53
В подводном капкане	61
Снова Медуза Горгона!	66
Потайное святилище	71
Эпилог... Или пролог?	76